

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Дарья Калинина

Детонатор для
секс-бомбы

Дарья Александровна Калинина

Детонатор для секс-бомбы

Серия «Сыщицы-любительницы Мариша и Инна»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=132447
Детонатор для секс-бомбы: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 5-699-18209-8*

Аннотация

Вы когда-нибудь встречали человека без недостатков? Мариша тоже не была исключением. Если можно назвать недостатком ее удивительную способность находить трупы... Вот и на этот раз, услышав душераздирающий крик в квартире этажом выше, она не раздумывая бросилась на помощь. И обнаружила два трупа в лужах крови... Один из них, правда, вскоре воскрес, а кровь при ближайшем рассмотрении оказалась томатным соусом. Дуня – так назвалась ожившая девушка – упала в обморок, обнаружив тело любимой подруги Тани в холодильнике... Все знали, что Таня была весьма страстной особой и любовники ходили к ней по расписанию. Неужели кто-то из них решил так жестоко отомстить ветреной подружке? А может, все дело в наследстве Татьяны, успешной бизнес-леди? Чтобы вычислить

убийцу, Дуня и Мариша готовы на все. Даже отправиться в ночной клуб под видом девиц легкого поведения...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	27
Глава 3	54
Глава 4	87
Глава 5	115
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Дарья Калинина

Детонатор для секс-бомбы

Глава 1

Третий день строгой диеты, а по сути, обычной голодовки, это вам не фунт изюма. Все внутренности словно онемели, а перед глазами то темно, то мелькает кусок маминого сдобного пирога с вареньем или свиной шашлык, источающий уже просто умопомрачительный аромат. И в голове, как ни старайся, бьется только одна мысль, простая и понятная до боли в желудке:

– Хочу есть!!! Я очень хочу есть!!! И чего бы мне такого съесть, чтобы и вкусно, и калорий не набрать? Боже мой, как же есть хочется!

Чтобы немного отвлечься от этой упрямой мысли, а также от видения предстоящего ужина, составляющего один легкий салатик из огурцов и капусты, политых лимонным соком, Дуня решила немного подышать свежим воздухом.

– Авось, полегчает, – пробормотала она себе под нос, сильно сомневаясь при этом в действенности данного средства.

Однако на балкон она все же вышла. Альтернативы все равно нет. И к слову сказать, вечер был просто замечатель-

ный. Замечательный настолько, каким может быть только вечер, принесший прохладу после жаркого солнечного дня. В такие вечера приятно постоять на балконе, нюхая долгожданные и наконец-то распустившиеся цветочки махровых петуний, напоминающие своим видом лохматые граммофончики. Постоять и прислушаться к тому, как умиротворение потихоньку наполняет все твоё существо под мерный шелест листвы клена, доросшего уже до четвертого этажа.

Именно этим и занималась в данный момент Дуня. Старательно нюхая цветочки, выращенные из оранжерейной рассады, она изо всех сил боролась с искушением вцепиться в них зубами и жевать, жевать, жевать! За целый рабочий день и вечер, когда она проболталась по магазинам, разумеется, не продуктовым, она успела так устать, что, придя домой, не стала ничего делать по хозяйству, тем более что еда ей была противопоказана, а хлопота по хозяйству, она бы обязательно не удержалась и сунула в рот что-нибудь не то. Кусок отвратительно калорийного и вкусного сыра или куриную ножку, которую поджарил для себя изувер Витька.

Поэтому Дуня, явившись с работы, просто приняла душ и сразу же, шмыгнув мимо кухни, отправилась на балкон. Тут было прохладно, а вся квартира еще не успела остыть после палящего летнего зноя. Сушная духовка! Перестав нюхать цветы, Дуня подняла глаза к небу. Там, к счастью, ничего съедобного не наблюдалось, и Дуня позволила себе расслабиться. В общем, все её существо наполнилось покоем и

умиротворением. И они ее так основательно наполнили, что Дуне уже не было нужды глазеть на облака, ей и так хорошо было, но в это время за ее спиной где-то в недрах ее квартиры раздался жуткий грохот. Дуня, которая как раз в этот момент перевесилась через перила балкона, чтобы рассмотреть, здорово ли облупилась краска на фасаде дома, вздрогнула и едва не вывалилась вниз. С трудом вернувшись в вертикальное положение, она закричала:

– Что у тебя там еще случилось?

Вопрос относился к Витьку, которому даже жара была не помеха для того, чтобы похозяйничать по дому. Они с Дуней жили вместе уже давно. И Витек своим поведением устраивал Дуню во многих вопросах. Во-первых, что было его основным достоинством, – он никогда не выходил из себя и, конечно, не распускал рук. Во-вторых, неизменно тащил что-то в дом и ничего из дома не выносил, кроме мусора. А в-третьих, что было самым главным достоинством Витька в глазах Дуни, но в чем Дуня не желала признаться даже самой себе, было то, что Витек никогда не заикался о том, чтобы оформить их отношения официально.

Итак, Дуня задала вопрос и принялась ждать, когда Витек отреагирует. По многолетнему опыту она знала, что до этого может пройти довольно много времени. Торопиться Витек не любил. Он был человеком обстоятельным и каждую свою реплику и действие, в зависимости от их важности, мог обдумывать по несколько часов, а то и дней или месяцев. Мо-

жет быть, других женщин такая медлительность и вывела бы из себя, но только не Дуню. Опять же потому, что по опыту жизни с Витьком Дуня знала: ничего ужасного тот натворить не может. Максимум – уронить полочку, которую потом сам же и приколотит. Поэтому сейчас она задала ему вопрос и терпеливо принялась ждать ответа.

Примерно через четверть часа на балконе появился Витек и сказал:

– Уже все в порядке. Там у тебя кастрюли стояли вперемешку, так я их рассортировал по размеру. Больше не упадут.

– Угу, – ответила Дуня, которую в общем-то в жизни меньше всего интересовало, в каком порядке у нее в шкафу расставлены кастрюли.

Витек облокотился на перила таким образом, чтобы Дуня оказалась между его рук, пощекотал ей ухо и задумчиво прошептал:

– Думаю, что балкон нужно застеклить. Деньги у меня есть. Я за пару месяцев подкопил. Застекленный балкон – это будет очень даже замечательно.

Когда до сознания Дуни дошло, что сейчас предложил ей Витек, у нее по спине пробежала холодная дрожь, а сама она замерла, словно дикая кошка, почуявшая опасность. Несмотря на то, что жили они с Витьком уже давно, никогда раньше он крупных вложений в Дунино гнездышко не делал. Если что-то и покупал, то такие вещи, которые бы при необходи-

мости мог забрать с собой. И теперь его предложение застеклить балкон могло означать только одно – Витек решил обосноваться у Дуни надолго, может быть, даже навсегда. И самое ужасное, что балкон вполне можно было рассматривать в качестве свадебного презента. Ведь застекленный балкон он при всем желании выломать и унести с собой уже не смог бы никогда в жизни. А делать просто так роскошные, по его мнению, подарки было не в характере Витька.

Дуня молчала, но в голове у нее проносился целый вихрь мыслей. Воображение тут же услужливо нарисовало ей картину ее дальнейшей жизни, когда каждую свободную минуту в ее замечательном гнездышке будет присутствовать Витек. Пока он то приходил, то уходил обратно к себе домой, к родителям, что Дуню вполне устраивало. Но если он будет находиться рядом с ней постоянно, то... и Дуня непроизвольно вздрогнула.

– Ну так что? – спросил у Дуни Витек. – Решено?

– Н-не знаю, – наконец выдавила из себя Дуня. – Завтра у меня очень напряженный день на работе. Может быть, лучше на той неделе?

– Завтра же суббота, – удивился Витек. – Какая работа?

Дуня работала старшим менеджером в офисе фирмы, занимающейся продажей электроники. И по субботам, как справедливо заметил Витек, их офис не работал никогда.

– Да, в самом деле, – растерялась Дуня. – Как же я могла забыть? Действительно, суббота. Ой! Суббота завтра?! Так я

же собиралась к маме. Она давно меня звала. Просто даже неудобно.

– Вот и хорошо, – одобрил Витек. – Ты поезжай, а я пока займусь балконом.

– Ты сам его стеклить будешь? – с замиранием сердца и слабой надеждой, что еще не все так страшно, поинтересовалась Дуня.

– Зачем сам? Мастеров вызову, – ответил Витек, и Дуня похолодела окончательно.

Все! Витек на свои деньги собирался стеклить ее несчастный балкон, да еще оплатить работу мастеров. Нет, это можно было рассматривать только как официальное предложение руки и сердца. Уж своего любовника Дуня знала как облупленного. И знала, что можно от него ожидать. Никогда в жизни он не стал бы тратить деньги на то, чтобы свить гнездышко, в котором не собирался жить. Свое свободное время и силы – да, мог. Прибить гвоздь, починить текущий кран, побелить потолок – это все да. Но только не деньги. Деньги – это совсем из другой оперы. Деньги – это святое. Деньги Витек умел зарабатывать, но умел и считать. И уж что-что, а щедрость не числилась в списках добродетелей Витька. Это Дуня знала твердо, на все сто процентов. Даже не на сто, а на все сто двадцать.

– Ой, совсем забыла! Мне же нужно позвонить! – пробормотала Дуня.

– Кому? – насторожился Витек. – Кому ты собралась зво-

нить?

– Таньке, – ответила Дуня.

Танька была Дуниной ближайшей подругой, палочкой-выручалочкой во всех сложных жизненных ситуациях и жилеткой для слез, когда это было необходимо. Услышав про Таньку, Витек поморщился.

– Снова эта проститутка, – пробурчал он. – Не понимаю, что вас может связывать? Такая подруга не для тебя.

– Ну уж не тебе судить! – разозлилась Дуня. – Мы с Танькой вместе с первого класса. То есть больше двадцати лет.

Этим Дуня хотела напомнить Витьку, что лично их отношениям не исполнилось еще и четырех лет. Витек верно все понял и засопел носом совсем уж недовольно.

– Давай звони, раз она тебе так дорога! – заявил он. – А я пока пойду прогуляюсь! Может быть, познакомлюсь с кем-нибудь.

– В кино лучше сходи, – предложила ему Дуня.

Витек, который в глубине души надеялся, что его демарш вызовет у Дуни протест и она начнет его задерживать, надулся окончательно и пробормотал:

– Сам как-нибудь разберусь!

После этого он долго протирал замшевой тряпочкой свои и без того чистые сандалии, потом демонстративно обливал себя туалетной водой, потом отряхивал легкую куртку так долго, что Дуня едва не скончалась от нетерпения. Звонить Таньке, когда Витек ходил по квартире туда и сюда и мог

услышать ее разговор с подругой, в планы Дуни никак не входило. У нее было много чего сказать Таньке такого, что никак не предназначалось для ушей Витька. Наконец попытка со сборами закончилась. Витек извлек чистый носовой платок из шкафчика. Больше поводов, чтобы не уходить, он найти не сумел и отправился гулять в гордом одиночестве, кинув на прощание на Дуню самый недовольный взгляд, на который был способен.

С радостью захлопнув за Витьком дверь, Дуня стремительно кинулась к телефону. Дрожащими от нетерпения руками набрала номер Таньки и прислушалась к длинным гудкам. Но все ее надежды разбил бодрый Танькин голос, увы, записанный на автоответчик.

– Добрый день, – вещал записанный Танькин голос. – В данный момент я не могу подойти к телефону. Но если вы не последняя сволочь, то не будете молчать в трубку, а оставите мне свое сообщение, чтобы я не ломала потом голову над тем, кто же мне звонил все это время.

Дуню такое приветствие ее подруги ни капли не удивило. Танькина манера общаться со своими друзьями уже давно перестала шокировать Дуню. Сколько она помнила свою подругу, та нисколько не менялась. В школе она говорила учителям все, что она думает о них. Причем как приятные, так и неприятные вещи она выкладывала на одном дыхании, ничуть не заботясь, что при этом будет чувствовать ее собеседник. Даже директору, который вызвал к себе Таньку, чтобы

провести с ней беседу о правилах хорошего тона, пришлось выслушать от Таньки ее личное мнение о его отношениях с новенькой учительницей зоологии.

После этого директор почему-то оставил Таньку в покое. Да и другие учителя вскоре перестали цепляться к девочке с удивительными, очень светлыми и почти прозрачными глазами, которые тем не менее видели многое, что окружающим Таньку людям очень бы хотелось от нее скрыть. Каким-то образом Танька всегда оказывалась в курсе того, кто из ее близких и знакомых и в чем грешен. Впрочем, пока ее не трогали, она свои познания держала при себе. Но стоило ее задеть и... О! Тут на голову обидчика во всеуслышание выливался такой поток информации о нем самом, его близких и друзьях, что несчастному долго потом было не отмыться.

Из-за этой особенности своего характера Танька была мало популярна среди соучеников. И единственной ее подружкой в школе была Дуня. Остальные ребята старались обойти Таньку подальше и общались с ней только в случае крайней необходимости, например на контрольных работах по математике и химии. В этих предметах Танька была признанным лидером. И, к ее чести нужно сказать, что она никогда не отказывала в просьбе нуждающимся. Злопамятности не было в характере Таньки. Она могла выложить человеку в лицо, что он толстый прилипала, жадина и ябеда, но никакой ненависти она при этом к несчастному объекту своей критики не испытывала. Она просто доводила до сведения своих знако-

мых, что они тоже далеко не так идеальны, как им хочется о себе думать.

Почему Дуня дружила с Танькой, она и сама толком не знала. Может быть, потому, что Танька никогда и ничего не делала исподтишка. А может быть, робкой Дуне импонировала Танькина бесшабашность. Танька умела придумать тысячи веселых игр и забав. С Танькой никогда нельзя было соскучиться и никогда заранее нельзя было предсказать, что она предложит сделать в следующую минуту. После школы дороги подруг разошлись. Танька пошла в технологический, а Дуня подалась в политехнический институт. Но так как они продолжали жить в соседних домах, то видеться так часто, как им этого хотелось, ничто не мешало.

Потом Танька вышла замуж, разошлась с мужем, основала свою фирму, процветала и пачками заводила любовников, которые долго не задерживались, потому что мало найдется мужчин, способных услышать по первой их просьбе самую беспристрастную и полную оценку их мужских способностей. У девяноста процентов после этого отпадало всякое желание иметь с Танькой сексуальные отношения. А у десяти процентов, которые получали высокую оценку своих способностей, имелись другие недостатки, о которых Танька при первой же возможности старалась их проинформировать. Чаще всего Танька жила одна, отдавая свои силы работе и любимой фирме.

И сейчас Дуня сидела у телефона, размышляя, где бы ей

найти подругу, как вдруг зазвонил мобильный. Почему-то решив, что это звонит Танька, Дуня схватила яркую с розово-сине-сиреневыми разводами коробочку «Нокиа». Но звонила не Танька, звонил Витек.

– Ну что? – поинтересовался он. – Поговорила со своей подружкой? Какую гадость обо мне она тебе на сей раз сказала?

– Она не подходит к телефону, – жалобно ответила Дуня. – Я беспокоюсь. Уже одиннадцать. Где она может быть? И почему не отвечает?

– Наверное, какому-то мужику наконец надоело терпеть ее выходки и он ее просто пристукнул, – предположил Витек.

– Зря ты ее так не любишь, – ответила Дуня. – Что плохого она тебе сделала?

– Ничего, кроме того, что всячески пытается разрушить наши с тобой отношения! – рявкнул Витек и добавил: – В общем, выбирай, либо ты прекращаешь общаться с Танькой, либо я еду сейчас к себе домой.

Дуня молчала. И Витек мрачно заявил:

– Что же, я все понял. Спасибо за понимание!

После этого он выключил трубку. А Дуня, слегка расстроенная из-за Витьки, все же начала звонить, но не ему, а снова Таньке, и уже на ее трубку. Увы, трубку Танька снова не взяла. Это было странно. Не в характере Таньки было не взять трубку, если ей звонят. Танька предпочитала всегда быть в курсе того, что происходит вокруг нее. Так что трубку она

взяла бы в любом случае, даже валяясь с любовником в постели.

Это окончательно встревожило Дуню. Но снова позвонил Витек.

– Так что ты решила? – поинтересовался он у Дуни.

– Может быть, ей стало плохо? – растерянно произнесла Дуня, все еще думая о Таньке. – Может быть, ее радикулит так скрутил, что она и руки поднять не может?

– Шею ей любовник свернул, а не радикулит, – вредничал Витек. – И что ты так о ней волнуешься? Кто она тебе? Ты лучше вспомни, что она наговорила тебе про меня!

И возмущенный Витек бросил трубку, прежде чем Дуня успела ему сказать, что ничего, кроме правды, Танька ей не сказала. Хотя, может быть, это было и к лучшему. Потому что иначе они с Витьком поссорились бы окончательно.

– Ты, Дунька, просто дура непроходимая, если не видишь, что мужик просто выискивает себе даму сердца с жилплощадью, – сказала Танька Дуне, едва та познакомила ее с Витьком. – Ему жить в его крохотной квартирке вместе с предками некомфортно. Вот он и шарит по сторонам. А тут ты. Хорошенькая, тихая и к тому же с отдельной квартирой. Да еще и кормишь его.

– Но как же не кормить, – растерялась Дуня. – Он же в гости приходит.

– Ну конечно! – фыркнула Танька. – И каждый раз с пустыми руками. Словно ты обязана его кормить за свой счет.

Что это еще за благотворительность?

– Но он мне помогает, – попыталась заступиться за Витька Дуня.

– Чем? – взвилась Танька. – Чем он тебе там помогает? Что гвоздь прибил? Господи, да ты сама этот гвоздь могла прибить не хуже. А что еще? Карниз повесил? Боже мой! Наняла бы мастеров, они тебе, честное слово, дешевле бы обошлись. И на кухне корячиться, чтобы их накормить, не нужно. В общем, чтобы нам с тобой не ссориться, я тебе скажу в первый и последний раз, что я думаю о твоём Витьке. Он скуповат, расчетлив, ревнив и к тому же себе на уме. А еще у него очень маленький член.

– Откуда ты знаешь?! – страшно поразилась Дуня.

– А что, не правда? – заржала Танька. – Если бы был нормальный, ты бы это мне в качестве его достоинств и привела бы в первую очередь. А так... Ты помнишь, что сказала? Что он тебе по дому помогает. Так для этой цели есть наемные работники. Поверь мне, все в мужике можно исправить или хотя бы как-то подкорректировать, но только не размеры этого самого его достоинства.

По роковому стечению обстоятельств, вернувшийся с работы Витек как раз входил в комнату. А до этого в течение десяти минут приводил себя в порядок в прихожей и слышал весь разговор подруг. Те же, увлекшиеся обсуждением достоинств и недостатков Витьки, попросту не услышали его. Так что его появление стало для них неприятным сюрпри-

зом. Разумеется, Витек закатил скандал, в процессе которого Танька еще раз озвучила свое мнение о нем.

После этого она ушла, а у Дуни ушло почти два месяца на то, чтобы как-то примирить Витьку с мыслью, что Танька будет в ее жизни всегда. И если он хочет иметь ее, Дуню, то должен смириться с мыслью, что и Танька будет где-то поблизости. Неизвестно, что больше повлияло на Витьку, позиция Дуни или ее отличная квартира возле метро, но в то же время всего в двух шагах от лесопарковой зоны с речкой и небольшим озером. Но так или иначе, Витек поворчал, попытался уйти, но, видя, что его демарш не привел к желаемым последствиям и Дуня не спешит за ним с просьбами вернуться, вернулся сам.

Танька сдержала свое слово и больше ни разу не напомнила Дуне о том, что она думает о Витьке. Так что мало-помалу отношения между ними кое-как выровнялись, но особой теплоты так и не появилось. Снова раздался звонок. Дуня поднесла трубку к уху и услышала:

– Хочешь, сходим к этой твоей подружке, швабре немой, – произнес Витек. – Если ей и в самом деле стало плохо, пусть потом не говорит, что я совсем подлец и не пустил тебя к ней, когда она испускала последнее дыхание.

– Я могу и одна сходить, – возразила Дуня.

– Время уже позднее, – заметил Витек. – Мужики какие-то пьяные возле твоего дома шляются. Лучше уж я тебя провожу, чем потом сидеть и волноваться, не пристанет ли

к тебе какой-нибудь идиот. Давай выходи.

— А ты где?

— А где мне быть? — почему-то разозлился Витек. — У подъезда стою. Купил пива и стою. Тебя жду. Знаю же, что ты к своей подружке ненаглядной намылилась. И что тебя к ней тянет? Жуткая баба, недаром ни один мужик возле нее долго не выдерживает.

И, сделав это заключение, Витек отключил трубку. Дуня поспешно надела свои босоножки, накинула легкую кофточку, потому что после душного дня к вечеру на улице заметно похолодало, и пошла вниз. Витек проводил Дуню до Таниной квартиры, но к ней заходить отказался.

— Если понадобится моя помощь, то звони, — сказал он и отправился вниз, а Дуня вытащила ключи от Таниной квартиры и отперла ими дверь.

Эти ключи Танька дала ей после того, как умер ее отец и Танька стала жить одна. Танина мать ушла из семьи, когда дочке было всего шесть лет или даже того меньше. Во всяком случае, это случилось еще до того, как Танька пошла в школу. Воспитывал Таньку один отец, так и не женившийся во второй раз. С матерью Танька не общалась, потому что маменька, исчезнув с каким-то дальнобойщиком, не позаботилась оставить своему мужу и дочери новый адрес, видимо, решив начать жизнь с чистого листа. В Таниной памяти мать осталась вечно недовольной жизнью, своим мужем и дочерью женщиной. Своего отца Танька любила всем сердцем. И

когда обширный инфаркт унес его на тот свет, горевала безмерно. Тогда-то Танька и отдала Дуньке второй – отцовский комплект ключей от своей квартиры.

– Теперь ближе тебя у меня человека нет, – сказала тогда Танька.

– А твой муж? – удивилась Дуня, так как ее подруга на тот момент еще была замужем, и Дуня даже считала, что вполне счастливо.

– Мужчины приходят и уходят, – махнула рукой Танька. – Детей у меня нет, а если и будут, то не скоро смогут обо мне позаботиться. А ты моя подруга уже почти два десятка лет. Если со мной что-то случится, хочу, чтобы тебе не пришлось ломать дверь в квартиру. Поэтому возьми на всякий случай папины ключи.

– Танька, что за мысли?! – ужаснулась Дуня. – Выкини их из головы!

– Никто и не говорит, что я сегодня сыграю в ящик, – заявила Танька. – Но никто такой возможности и не отмечает. Так берешь ключи?

– Беру, – отозвалась Дуня.

И как выяснилось, ключи ейгодились много раз. Потом Танька переехала на новую квартиру, но и от новой квартиры она сразу же дала дубликат ключей подруге. И Дуня не возмущалась, когда Танька то и дело звонила ей с просьбой полить цветы, покормить кота или отключить утюг, который Танька, уходя из дома, забыла выключить. Так что Ду-

ня уже давно привыкла хозяйничать у Таньки дома, как у себя. Но сегодня ее все же охватил какой-то трепет, и она долго не могла попасть ключом в замочную скважину. Вдобавок дверь оказалась закрыта всего на один замок, хотя обычно, уходя из дома, Танька закрывала обе двери на два замка.

Вообще говоря, Танькин доход уже пару лет назад позволил ей, будь у нее такое желание, переехать в отдельный коттедж и жить там в тишине и спокойствии. Но желания такого у нее не возникало.

– Что я буду делать в отдельном доме? – удивлялась Танька. – Нет уж, пока детей у меня нет, буду жить как жила.

Танька ограничилась тем, что переехала из хрущевки в новый, недавно построенный по соседству дом, сделала там отличный ремонт, купила новую дорогую мебель и технику и превратила свое жилище в игрушечку. Поэтому двери, уходя из дома, Танька всегда старательно закрывала, чтобы не провоцировать воров, хулиганов и тому подобных личностей, охочих до чужого добра.

– Танька, ты дома?! – окликнула подругу Дуня, хотя и так было ясно, что Таньки и вообще никого в квартире нет.

Сначала Дуня удивилась. Нет, не тому, что не отозвалась Танька. Если ее не было дома, то и отозваться она, ясное дело, не могла. Но у Таньки был кот. Роскошный мордастый красавец сибирской породы. Звали его Браслет из-за странных белых полосок на передних лапах, и в самом деле напоминающих браслеты.

– Браслет! – позвала кота Дуня. – Кис-кис-кис! Иди сюда! Ты куда спрятался?

Но кот не торопился отзываться. У Дуни даже мелькнула мысль, а не заболел ли он. Тогда по крайней мере становилось ясно, почему дверь была закрыта только на один замок и почему Танька не отзывается. Наверное, придя домой вечером, она застала своего любимца больным, заволновалась, схватила его в охапку и выскочила из дома, впопыхах просто захлопнув за собой дверь. Когда жизни близкого существа угрожает опасность, тут уж не до мер предосторожности. И как только Дуня решила, что все так оно и было и даже слегка успокоилась, как она увидела Браслета.

Кот сидел на шкафу под самым потолком и не сводил с Дуни пронзительных желтых глаз. При этом он не издавал ни звука, а шерсть у него на загривке стояла дыбом.

– Браслетик! – обрадовалась Дуня. – Иди ко мне, мой хороший котик! Что ты туда забрался? Иди ко мне!

Браслет, словно понял, что она ему говорит. Коротко мяукнув, он осторожно скользнул по краю шкафа и мягко спрыгнул на диван. После этого он подбежал к Дуне и попытался взобраться теперь уже на нее.

– Да что с тобой? – удивилась Дуня, прижав к себе кошачье тельце и заметив, что кот весь трясется. – Может быть, ты и в самом деле заболел?

Но нос Браслета оказался влажным и холодным. И тем не менее с котом явно что-то было не в порядке. Он не хотел

есть, не хотел пить и не желал слезать с рук Дуни. И при этом он не мурлыкал, хотя обычно, оказавшись у нее на руках, тут же заводил песенку, и стоило ей начать его гладить, урчал, словно маленький грузовичок.

— Браслетик, ты тоже волнуешься? — вздохнула Дуня. — И где же твоя хозяйка?

Кот ничего не ответил. Дуня прошла по трем комнатам, отметила, что с работы Танька уже вернулась, потому что ее помятая одежда валялась по всем стульям в гардеробной. Но нигде самой Таньки не обнаружилось. Дуня заглянула в ванную комнату, опасаясь, что Танька могла поскользнуться на скользком кафеле и даже получить сотрясение мозга. Однако и в ванной подруги не было.

В полной растерянности Дуня забрела в кухню и машинально отметила, что у Таньки был гость. В посудомоечной машине стояли две тарелки со следами жаркого, возле мойки стояли два недавно ополоснутых бокала, а в плетеной корзиночке на салфетке, лежащей на обеденном столе, были красиво разложены круглые кусочки серого финского хлеба, остатки которого лежали на рабочем столике. Кроме того, на обеденном столе в подсвечниках, стилизованных под кошачью фигурку, стояли две красных свечи, сгоревшие почти наполовину.

Поняв, что у Таньки были сегодня и причем совсем недавно гости, Дуня присела на краешек диванчика и задумалась. Если у Таньки был мужчина, то куда же он делся? Не в ха-

рактере Таньки было отпускать мужика, не получив с него сполна в постели за скормленный ужин.

– Ну ладно, мужика Танька могла и сама выгнать, так что не буду удивляться, куда он делся, – решила наконец Дуня, обратившись к Браслету. – Но куда же делась сама Танька?

Браслет в ответ только жалобно мяукнул. И Дуня в задумчивости обвела глазами кухню. Уехать на дачу Танька не могла, потому что обязательно взяла бы Браслета с собой. Махнула отдохнуть куда-нибудь с любовником? В ночной клуб, например? Что же, это вполне было в духе Таньки. Но почему она в таком случае не берет трубку мобильного? Дуня еще раз вздохнула. И тут ей позвонил Витек.

– Ну что? Нашлась твоя подруга? – спросил он у нее.

– Нет, – расстроено ответила Дуня. – Ее нигде нет!

– В ванну заглянула? – деловито поинтересовался Витек. – Нет ее там? Тогда загляни в холодильник.

– Зачем? – удивилась Дуня.

– Если бы я ее прикончил, то в такую жару тело нужно куда-то спрятать. А куда? Разумеется, в холодильник. Там оно по крайней мере не испортится.

– Идиот! – возмутилась Дуня. – И шутки у тебя идиотские.

Но, отключив трубку, она и в самом деле направилась к холодильнику. Нет, вовсе не за Танькиным телом. Просто ей захотелось как-то расслабиться. Ну и, например, наплевав на диету, выпить пивка. А у Таньки в холодильнике всегда

имелся запас этого напитка, кстати говоря, с пониженным содержанием калорий. Насчет продуктов, как точно знала Дуня, в холодильнике было несколько хуже. Обычно летом Танька затаривалась продуктами раз в месяц, а потом спокойно жила, жаря при необходимости готовые котлеты или варила на ужин пельмени. Однако запас пива не переводился у нее никогда.

Браслет, увидев, что Дуня направилась к холодильнику, начал крутиться у нее под ногами, истошно мяукая и делая короткие перебежки к холодильнику и обратно к Дуне. При этом вид у него был на редкость очумелый. Дуня решила, что он надеется получить лакомый кусочек французского липкого сыра, до которого был большой охотник. Распахнув створку огромного пузатого холодильника «Бош», Дуня истошно завопила. Там, скрючившись в весьма неудобной позе, лежала Танька и в упор смотрела прямо на Дуню своими странными светлыми и словно бы неживыми глазами. Издав еще пару воплей, Дуня замолчала, схватила за сердце и крикнула:

– Танька, ты офонарела? Чего ты в холодильник-то забралась?

Так как Танька продолжала придуриваться и не шевелилась, Дуня тряхнула ее за плечо. Но тут подруга вдруг стала выпадать из холодильника. Дуня с трудом успела перехватить ее странно потяжелевшее тело и опустить на пол, чтоб не ушибить.

— Танька, хорош придуриваться! — возмутилась Дуня. — Ты меня больше не проведешь. После того случая, когда ты вылезла из дровяного сарая вся в крови и с топором в голове, я на твои шуточки больше не поведусь. Меня в тот раз чуть инфаркт не хватил. Слышишь! Хватит!

Но Танька, несмотря на то, что Дуня разоблачила ее приговор, продолжала лежать на полу в очень неудобной позе, не сводя с Дуни своего остановившегося взгляда. Дуня присмотрелась повнимательней, и тут внезапно ей стало совсем дурно. По шее Таньки шла красная полоса, словно след от веревки или ошейника. Преодолевая подступившую к горлу тошноту, Дуня дотронулась до шеи Таньки. Подруга не шевелилась, не протестовала и вообще никак не реагировала. Кожа у нее была холодная. Тогда Дуня, затаив дыхание, попыталась нащупать пульс. Его не было. Дуня проверила еще раз свои подозрения, приложив ухо к тощей Танькиной ключице, но гулких ударов сердца так и не услышала. И тогда, сообразив все, Дуня издала мышинный писк, тихо сползла на пол рядом с телом своей подруги и без дальнейших проволок лишилась сознания.

Глава 2

Мариша уже второй час сидела на собственной кухне и безмятежно чистила лук для лукового супа по собственному рецепту, которым собиралась поразить Юльку. Вообще-то всю кашу заварила сама Юлька. А начались мучения Мариши с того, что в прошлую пятницу Юлька нанесла Марише жестокий удар. Разумеется, сделала она это не нарочно. У нее и в мыслях не было обижать подругу. Просто она пригласила к себе Маришу и еще двух кавалеров, которые вместо того, чтобы восторгаться прелестями подруг, так накинулись на приготовленный Юлькиными руками домашний обед, состоящий из окрошки, салата, жареной курицы с черносливом и молодой картошки, запеченной в сметане, что Мариша мигом насторожилась, почувствовав недоброе.

Поглощая обед, кавалеры не обращали внимания ни на Маришу, ни на стройные ноги обеих подруг, ни вообще на что-либо. Оба бешено жевали, глотали и между глотками нахваливали ту, кто приготовил всю эту вкусноту. А потом, узнав, кто же автор обеда, оба вдруг взяли и посватались к Юльке. У Мариши отвисла челюсть. Вообще-то она и раньше подозревала невысокий уровень интеллекта у мужчин, едва превышающий интеллект гориллы. Но тут перед ее глазами разыгралось чистой воды безобразие. Мариша, которая уже целый месяц сидела на диете, никак не могла оценить кули-

нарные способности Юльки. Но поведение кавалеров ее всерьез возмутило. Поэтому сегодня она собиралась взять реванш. Но для начала, помня свои прошлые неудачи в кулинарии, решила поэкспериментировать на Юльке.

А если сказать честно, то было у нее и еще одно обстоятельство, вынуждавшее ее лучше научиться готовить. Не далее как в прошлом месяце она рассталась со своим мужем – Смайлом. Разумеется, у Мариши было что поставить в вину негодному супругу, но он во время расставания упрямо твердил одно и то же.

– Готовить ты ни хрена не умеешь! – возмущался он, в пылу ссоры даже вспомнив кое-какие русские ругательства. – Твоюстряпню есть просто невозможно. Еще сосиски или готовые котлеты туда-сюда. Но эти твои кулинарные изыски! Это же умереть можно! Видит бог, я терпел сколько мог. Но всякому терпению приходит конец. И почему ты не могла довольствоваться одними пельменями?

Последняя фраза вырвалась у Смайла в тот момент, когда он перешагивал через порог ставшего ему родным дома, и слова эти прозвучали с такой горечью, что Мариша невольно призадумалась. Но Смайла не вернуть, хотя бы потому, что Мариша даже не знала, где его искать. Смайл был перекаати-поле и мог податься от несчастной любви и голодного желудка куда угодно. Лично Мариша считала, что Смайл подался во Францию, чтобы залечить свою скорбь, поедая блюда всемирно известной французской кухни.

Но полагая, что рано или поздно Смайлу может надоесть набивать себе брюхо и он все же вернется к ней, Мариша решила в какой-то мере исправить тот свой недостаток, который так расстраивал Смайла. И вот сейчас, очистив первые две луковицы, Мариша всерьез засомневалась, а стоят ли все мужчины мира вообще, и в частности Смайл, тех мук, какие испытала она, проливая море слез над этими голыми луковицами. Однако отступать от задуманного было не в привычках Мариши, поэтому она мужественно взялась за третью луковицу и даже успела отрезать у нее хвостик, как вдруг прямо над головой раздался истошный женский крик. Мариша вздрогнула, порезала палец, быстро сунула его себе в рот и выругалась сквозь стиснутые на окровавленном пальце зубы.

– Шот восьми! – с чувством произнесла Мариша, глядя на потолок. – Што ше они так оут?

Женщина наверху издала еще пару воплей и затихла. Мариша с сомнением покосилась на оставшийся лук, потом уже более внимательно еще раз посмотрела на потолок, словно он мог ей что-то объяснить. Насколько она знала, в квартире сверху, чья кухня располагалась как раз над кухней Мариши, жила очень красивая, но при этом одинокая молодая женщина. Мариша находилась с ней в более или менее приятельских отношениях в связи с тем, что иногда приходилось наведываться к ней с просьбой сделать музыку потише или завести себе нового любовника, потому что прежний с габаритами слона топает, словно стадо носорогов. Впрочем,

мужчины менялись у Таньки часто, попадались среди них и худенькие и тихенькие, вполне удовлетворявшие Маришу.

В конце концов, решив, что ее долг проверить, все ли в порядке у соседки, Мариша сунула палец под кран с холодной водой, затем перевязала его платком и, не без радости оставив на столе недочищенный лук, вышла из квартиры и двинулась вверх. Лифта ждать было слишком долго, поэтому Мариша решила пойти по лестнице. Так как время было уже позднее, на улице давно стемнело и, соответственно, на лестнице было темно, как у негра... ну сами знаете где, Мариша, сделав несколько шагов, даже пожалела, что вообще сунулась в это дело. А поднявшись на один пролет, она окончательно поняла, что сделала большую глупость, не поехав на лифте.

На лестнице было как-то на редкость неуютно. Казалось, что в темноте кто-то дышит и подкарауливает Маришу с явно нехорошими целями. Иначе, скажите на милость, стал бы хороший человек сидеть на темной лестнице и кого-то ждать, если по телевизору как раз по одной программе идет футбол, а по другой американский боевик, причем совершенно новый? Ясное дело, что только псих в такой вечер был способен проводить время на темной лестнице да еще в унылом одиночестве.

Прислушавшись, Мариша поняла, что в темноте и в самом деле кто-то дышит. А приглядевшись, она заметила на лестничном пролете как раз на уровне этажа, где жила ее со-

седка, какую-то темную фигуру. Вдобавок за своей спиной Мариша уловила шорох. Женские вопли из квартиры сверху, порезанный палец, чье-то дыхание плюс этот шорох – это было слишком даже для Маришиных нервов. И она завопила с той же силой, что и несколько минут назад ее соседка из квартиры сверху.

– А-а-а! – вопила Мариша. – Убивают! Пожар! Насилуют!

Темная фигура на лестнице шарахнулась от Маришиного вопля к стене, а потом метнулась вверх. Послышались торопливые шаги, и вскоре все стихло. Лишь позади по-прежнему кто-то шуршал. Мариша покосилась туда и увидела два круглых зеленых глаза, изумленно таращившихся на нее.

– Кошка! – облегченно выдохнула Мариша. – Ну, и напугала ты меня! Иди-ка ты, милая, ко мне. Вдвоем веселей. А то ходят тут всякие.

Кошка ничего не ответила, но глаза стали удаляться. Видимо, она решила не связываться с такими громкоголосыми особами. Немного подумав, Мариша решила, что раз уж она прошла полпути и даже прогнала какого-то типа с насиженного местечка, то надо подниматься по лестнице и дальше. Она поднялась еще на один пролет, на этот раз без всяких неприятностей. И оказалась на освещенной площадке, куда выходили двери квартир и где останавливалась кабина лифта. На площадке никого не было. Мариша позвонила в нужную ей квартиру, но ей никто не ответил.

– Вот так вот! – глубокомысленно заметила Мариша. –

Мчишься на помощь людям, рискуя, между прочим, своей драгоценной жизнью, а они тебе даже дверь открыть не соизволяют.

Слегка разозлившись на людскую неблагодарность, Мариша позвонила еще раз. Но ей снова никто не отозвался.

– А может быть, она кричала от удовольствия? – вдруг осенило Маришу. – Тогда я, выходит, только мешаю?

Но тут же она отогнала от себя эту мысль. Женщина сверху кричала вовсе не от восторга. Она вопила от ужаса, в этом Мариша могла поклясться. И даже дать на отсечение свой палец. Разумеется, тот самый, порезанный сегодня за чистой лука. Так что Мариша решила не сдаваться и все же выяснить, кто тут кричал и почему. Она позвонила еще и еще раз, а потом начала колотить в дверь ногой. Потом она нажала на ручку, и дверь вдруг совершенно спокойно отворилась.

– Надо же! – возмутилась Мариша. – Ломлюсь тут битый час, а ни одна собака даже не подумала сообщить мне, что дверь открыта.

И полная праведного возмущения она вошла в квартиру. И сразу же ей под ноги, словно пушечное ядро, бросился необычайно пушистый и огромный кот.

– Браслет! – воскликнула Мариша, вспомнив, как звала кота соседка. – Ты чего тут?

Спросила и осеклась. Кот словно обезумел. Он носился по прихожей, как по центрифуге, – по полу, по стенам, по полкам, разве что на потолок не вскочил. Некоторое время

Мариша растерянно наблюдала за выкрутасами распоясавшегося кота, потом изловчилась и схватила его под мышку, благо опыт обращения с кошками у нее имелся. Очутившись прижатым к Марише, кот моментально сник и утихомирился. Вдвоем с Браслетом Мариша и прошла в кухню.

Зрелище, которое ей представилось, было не для слабонервных. На полу возле раскрытого холодильника лежали два женских тела обильно перепачканные кровью. Вообще, крови на полу была целая лужа, такая густая и отвратительная, что Марише даже стало дурно. У нее непроизвольно разжались руки, и Браслет тихо шмякнулся на пол и тут же удрал обратно в прихожую. Мариша испытала большое искушение последовать за ним, но она мужественно переборола недостойную трусость и подступающую тошноту и направилась к телефонному аппарату, стоящему в прихожей.

Но стоило ей поднести руку к телефону, как откуда ни возьмись, наверное, из просмотренных в детстве детективов, появилась четкая мысль, что телефон трогать ни в коем случае нельзя, чтобы не стереть отпечатки пальцев преступника. Какого черта преступнику было звонить из квартиры своей жертвы, этим вопросом Мариша почему-то не задалась. Она просто схватила мобильную трубку, лежащую в прихожей рядом со стационарным телефоном и дрожа от возбуждения, набрала «02».

– Помогите! – прохрипела она в трубку. – Убийство! Приезжайте немедленно, возможно, преступник еще не успел

уйти далеко. Тут все в крови, наверное, он тоже ею испачкан. Задержите его!

На другом конце провода тут же пожелали узнать адрес, а также фамилию, имя и отчество. Мариша честно назвала свое имя и свой адрес. А затем, с чувством выполненного долга, положила трубку в свой же карман и принялась ждать приезда милиции. Однако стоять просто так было невыносимо. И Мариша принялась потихоньку пробираться обратно в кухню. Насколько она могла видеть, обе убитые были молодыми женщинами, довольно привлекательными к тому же.

Одна из них – соседка Мариши – лежала в очень неудобной позе, странно скрючившись и засунув голову под левый локоть. Ее шикарные темные волосы разметались и перепачкались в густой кровавой луже. Лицо, насколько могла видеть Мариша, не было изуродовано. Из-под согнутой руки виднелся породистый нос, уголок рта и чудесная гладкая кожа щек, напоминающая цветом атлас светло-шоколадного цвета. А вот вторую девушку Мариша видела впервые. Она тоже была очень миленькая, но ее красота была не такой яркой, как у Татьяны, и не сразу бросалась в глаза.

Но тут от изучения лица второй девушки, которое, кстати говоря, тоже не пострадало, если не считать пятен крови на лбу и щеках, Маришу оторвал звонок мобильного. Она сильно вздрогнула, потому что внезапно заигравшая мелодия напоминала рев мотоцикла, мчащегося без глушителя, и к тому же громкость явно поставлена была на максимум.

А доносилась эта веселенькая мелодия из сумочки, которая лежала на табурете, стоящем возле посудомоечной машины.

Мариша прокралась туда и взяла трубку. Сама не понимая, что она делает, она включила телефон и поднесла его к уху.

– Дуня, ты чем там, собственно говоря, занимаешься? – тут же закричал в трубку мужской голос. – Звоню тебе уже десять минут, а ты все не подходишь. Вы что там с Танькой решили надо мной поизмываться на пару?

– Дуня убита, – машинально пробормотала Мариша. – И Таня, судя по всему, тоже.

– Ты там чего? – опешил мужик. – Это кто вообще, а?

– Я – соседка, – пояснила Мариша.

– Слушай, соседка! – разозлился мужик. – Ты так не шути, ясно тебе? А то не поленюсь подняться наверх и покажу вам троим, как хиханьки и хаханьки разводить. Вконец бабы обезумели! Надо же так шутить!

– Сделайте одолжение, поднимитесь, – попросила Мариша, но мужик уже отключился.

Мариша осталась одна, если не считать кота, наедине с двумя трупами. Но Браслета можно было не считать. Он забился в самый дальний угол прихожей да еще для большей безопасности спрятался под невесть как оказавшуюся на полу фетровую шляпку.

– Положение хуже не придумаешь, – посетовала Мариша, обращаясь к коту, вернее, видимому кончику его хвоста.

На Браслета рассчитывать было нечего, он и так держался на одних нервах. Милиция же что-то задерживалась, и Мариша, чтобы не испытывать судьбу, решила выйти их встречать. Вскоре приехал лифт, и Мариша поспешно приняла самое добропорядочное выражение лица, чтобы с первой же минуты вызвать у представителей закона доверие к себе. Двери лифта открылись, и оттуда выскочил упитанный мужчина, что называется, в самом расцвете сил, с красным лицом. Не обращая внимания на Маришу, он ринулся в квартиру, где лежали два трупа.

– Стойте! – закричала Мариша, кидаясь за ним. – Туда нельзя!

Но поздно. Мужик уже влетел в кухню и, поскользнувшись на луже крови, грохнулся на пол. При этом он здорово треснулся башкой об угол табуретки и вырубился замертво.

– Ай! – в отчаянии всплеснула руками Мариша. – Убился! Что же это делается, мамочки мои?

Но ответить на этот вопрос ей никто не мог. Кроме кота, в квартире теперь было только три бездыханных тела, а совершенно обезумевший Браслет ринулся вверх по полочкам и навесным шкафам и моментально очутился на люстре, где устроился поудобней и, кажется, малость успокоился.

– Что же мне делать? – взывала Мариша.

И тут она подумала, а вдруг мужик еще жив. Тогда нужно поскорей оказать ему помощь. Так как на вызов врачей времени не было, Мариша решила привести мужика в чувство

простыми подручными средствами. Для этого она открыла ручки крана с холодной водой, налила целый стакан и потом осторожно полила голову пострадавшего. Вскоре тот открыл глаза и недоуменно уставился на Маришу.

– Ты кто? – спросил он.

– Я – соседка, – пояснила ему Мариша.

– А! – вспомнил мужик. – Так это с тобой я разговаривал только что?

И тут он скосил глаза вправо и увидел рядом с собой два женских тела. Мужик посерел, закрыл глаза и так с закрытыми глазами прошептал:

– Так это что, все правда? Про Дуню?..

– Если вы про этих двух женщин, то правда, – горестно вздохнула Мариша. – А вы-то сами кто?

Но мужик на этот вопрос ничего не ответил. Он открыл глаза и с совершенно безумным видом начал вставать с пола, бормоча:

– Менты! Позови ментов. Они там! Внизу. Говорят, что какая-то идиотка устроила ложный вызов. Нужно позвать их сюда. Скажем, что они правильно приехали.

Встав, он ринулся к выходу, но тут же его ноги снова разъехались в луже крови, и он вторично шлепнулся на пол, снова приложившись головой все к той же многострадальной табуретке. Махнув на недотепу рукой и решив больше не тратить на него ни времени, ни воды, Мариша кинулась вниз. На этот раз она поехала на лифте. Впрочем, доехать она успела

только до своего этажа. Там в кабину лифта вошли трое людей в форме.

– Миленькие! – взывала Мариша, вцепившись в ближайшего к ней мента. – Поехали скорей! Там трупы. Две женщины!

– Так это вы нам звонили? – сердито спросил второй мент, пока первый тщетно пытался освободить рукав своей формы от хватки Мариши. – Что же вы нам адрес неверный дали?

– Как это неверный? – удивилась Мариша. – Как диспетчер и просила. Дала ей свой адрес.

Менты молча переглянулись, но критиковать Маришу почему-то не стали. Доехав до нужного этажа, все четверо вышли из лифта.

– Ну? – бодро осведомился один из ментов. – Где трупы?

– Там! – пробормотала Мариша. – На кухне. Там еще один мужчина.

– Какой мужчина? – насторожился мент.

– Не знаю, – в растерянности развела руками Мариша. – Пришел...

– Ладно, разберемся, – заверил ее мент. – Вы, гражданочка, главное, не крутитесь под ногами и не мешайте нам. Сядьте в уголочек и сидите себе. Понадобится, мы с вами поговорим.

Мариша молча покивала головой и тихо пошла следом за ментами. На кухне она обнаружила некоторые изменения. Мужик продолжал тихо лежать, зато одна из женщин, кото-

рая лежала подальше от холодильника, явно делала попытки сесть и вообще осмыслить ситуацию.

– Она жива! – возликовала Мариша. – Смотрите, она шевелится!

– Что же вы, гражданка, сказали, что тут два женских трупа, если один из трупов явно мужчина? – недовольно обратился к Марише первый мент.

– Ах нет! – с досадой на его непонятливость воскликнула Мариша. – Мужчина тоже жив. То есть был жив, когда мы с ним встретились в первый раз.

Менты дружно крикнули и снова переглянулись. В их глазах читалась откровенная подозрительность по поводу странной главной свидетельницы.

– Отойдите, гражданочка, – еще раз велел Марише мент. – Петя, посиди ты, Христа ради, с девушкой.

Петя молча взял Маришу под локоть и отвел в уголок, сам расположившись рядом с ней. А менты тем временем принялись приводить в чувство девицу и мужика. При этом они очень старались не поскользнуться на лужах крови, но у них это не очень-то выходило.

– Глянь, Федя, чего тут все кетчупом-то залито! – наконец с досадой крикнул один из ментов, обращаясь к своему напарнику. – Чуть не вляпался. Где тут кровь, где соус, и не разобрать.

Наконец ментам удалось с помощью подручных средств привести в себя мужика, девушка очухалась самостоятельно.

– А где Танька? – прошептала она, едва обретя способность говорить.

– Кто такая Танька?

– Моя подруга, – пролепетала девушка и посмотрела вокруг. – Она в холодильнике спряталась.

Разумеется, она тут же увидела свою подругу, лежащую у холодильника все в той же неудобной позе. Девушка вскрикнула и снова потеряла сознание, шлепнувшись в лужу то ли крови, то ли кетчупа.

– Господи! – вырвалось у одного из ментов, которого немножко забрызгал фонтанчик, взвившийся при падении девушки. – Заберите вы ее отсюда! И вообще, всем посторонним удалиться с места происшествия.

Через несколько минут мужик, Мариша и девушка, которую звали Дуней и которая была подругой Таньки, оказались в соседней комнате. Дуню и Витька слегка отчистили от кетчупа, и теперь они выглядели вполне прилично. В кухне остались два мента – Петя с Федором, – а работать со свидетелями пришлось третьему – Сергею, который принялся расспрашивать всех троих по очереди, как, каким образом и почему они оказались в квартире пострадавшей. Выяснив это, он поинтересовался, как получилось, что Дуня полезла в холодильник.

– Я вообще-то хотела пивка попить, – произнесла Дуня. – У Таньки в холодильнике всегда полно пива. Низкокалорийного. А мне только такое и можно, потому что я на диете. А у

меня дома оно кончилось. Вот я и решила, что, раз уж зашла к Таньке, воспользоваться ее запасами. А когда я дверцу открыла и Таньку увидела, то сначала, конечно, перепугалась, а потом подумала, что она просто услышала, что я вхожу, и спряталась, – глотая слезы, произнесла Дуня.

– А что, такие шутки были в ее духе? – недоуменно спросил опер. – На вид ваша подруга уже вышла из детского возраста.

– Но дури у нее в башке с тех пор ничуть не убавилось, – подал голос приятель Дуни.

– Что ты говоришь, Витек?! – накинулась на него Дуня. – Да ты никогда не любил Таньку! А между тем она была замечательная!

– Только трахалась направо и налево, – возразил Витек. – Если хотите знать мое мнение, так ее любовник пришел. Точно говорю. Танька изменяла всем своим хахам. Вот один из ревности ее и порешил.

– Танька никогда не начинала нового романа, не покончив с прежним, – возразила ему Дуня.

– Так ясное дело, она думала, что мужики как пешки. Как ей захочется, так их и двигать можно! – разозлился Витек. – А у людей своя гордость имеется. Может быть, один из ее хахалей не пожелал спокойненько отступить в сторонку, когда Танечка решила, что ему пора сваливать.

– Да что ты понимаешь?! – снова возмутилась Дуня. – Это мужики от Таньки сами первые сбегали.

– Но не все же! – возразил ей Витек.

– Так, – перебил их мент. – Кого-нибудь из любовников вашей подруги назвать можете?

– Могу, – после минутного колебания все же кивнула Дуня. – Только сразу говорю, из ревности Таньку вряд ли кто-то стал бы убивать. Она была... была... такая... Ну, одним словом, она что думала, сразу в лицо людям и говорила. Никаких интриг не плела. Так что если она расставалась с мужчиной, значит, у него уж никаких иллюзий на этот счет не оставалось. И потом она каким-то образом всегда была со своими бывшими кавалерами в дружеских или, во всяком случае, в приятельских отношениях.

– Это верно, – задумчиво подтвердил Витек. – Бывало, Танька расстанется с очередным своим парнем, а потом через пару месяцев мы их вместе видим. Я сначала удивлялся, а потом понял, что они по делу с ней встречаются. Один раз Боря ей бумаги какие-то передавал. Другой раз Серега какие-то тюки помогал из машины вытащить.

– Об этом потом, – решил мент. – Адреса любовников пострадавшей я запишу позднее. А вот кто первым нашел ее тело?

– Наверное, я, – содрогнувшись, призналась Дуня. – Но вообще-то я ничего не помню. Браслет только очень нервничал.

– Браслет? – удивился мент. – Нервничал? И часто с ним такое? А чей браслет?

– Танькин, – объяснила Дуня. – Это ее кот. Он сейчас на люстре висит. Может быть, снимите его?

– Сниму, – тяжело вздохнув, пообещал мент. – А сейчас рассказывайте по существу.

– Так я и рассказываю. Я открыла холодильник, а там лежит Танька. А потом, когда она вывалилась, я как-то поняла, что с ней дело плохо. И вообще она не шутит со мной.

– Крови на ней много было? – поинтересовался мент.

– Крови? – удивилась Дуня. – Нет, крови на ней вообще не было.

– А в кухне чисто было?

– Ну как сказать, – задумалась Дуня. – Вообще-то чисто. Только табуретки стояли в разных местах, а обычно они у Таньки под столом находятся. Ну, остатки еды тоже не были убраны.

– Я имею в виду, крови на полу не было? – уточнил мент свой вопрос.

– Пол был совершенно чистый, – заверила его Дуня.

– Откуда же тогда там взялось столько крови? – подала голос Мариша, окидывая быстрым взглядом Витька и Дуню.

Они оба уже стерли с себя красные брызги и никаких порезов или тем более ран на них не наблюдалось.

– Минутку, – сказал мент и исчез на кухне.

Обратно он вернулся через пять минут.

– Крови там нет, – мрачно сказал он. – Это все соус. Видимо, падая, тело зацепило банку с томатным соусом. Она

упала и соус разлился по полу.

– Очень хороший соус, – задумчиво произнес Витек. – Сразу видно, качественный.

– А как же Танька? – подала голос Дуня. – Она и в самом деле мертва?

– Убита, – кивнул опер.

– Кто же мог ее задушить?! – заплакала Дуня.

– Постойте, а откуда вы знаете, что ее именно задушили? – насторожился опер.

– Откуда? – удивилась Дуня. – Просто предположила. Ой, нет! Что же я говорю! Я это не предположила, конечно, я просто знаю.

– А откуда?

– Откуда? – задумалась Дуня. – Так она когда из холодильника прямо мне под ноги выпала, я сначала не поверила, что она мертва. И пыталась нащупать пульс. Проверить, что с ней. Я вообще вначале думала, что она притворяется. Ну, я вам уже говорила. Танька вполне могла отмочить такую штуку. Поэтому я наклонилась над Танькой и увидела, что у нее через все горло идет такая красная полоска. Словно бы ее веревкой душили. А теперь вы сказали, что крови нет. Вот я и подумала, что ее задушили.

– Все верно, – кивнул опер. – На первый взгляд так оно и есть.

– А на второй? – хором воскликнули Мариша и Дуня.

– Вскрытие покажет, – ответил опер. – А пока я попрошу

вас рассказать подробно и в деталях все, что с вами произошло за сегодняшний вечер. И попрошу уделить особое внимание мелочам.

Все трое свидетелей так и сделали.

– Значит, вы уверяете, что когда входили в квартиру, то дверь была закрыта только на один замок? – выслушав Дуню, уточнил опер. – Но все же закрыта?

– Ну да, – кивнула Дуня. – Так и было.

– Выходит, что у преступника были ключи, – заметил опер. – Либо покойная сама ему дала, либо он взял ее комплект, чтобы запереть за собой дверь, когда уходил.

– Да вовсе не нужны ему ключи были! – заявила Дуня. – Там на замке снаружи есть такая кнопочка внизу. Если на нее нажать, то замок сам собой закрывался и без ключей.

– Но это же неудобно? – удивился опер. – Дверь железная, а если кто-то случайно нажмет кнопку, когда хозяев дома нет?

– Когда нет хозяев, то замок закрыт, – возразила Дуня. – И кнопка не функционирует. А случайно на нее нажать невозможно, там конструкция таких случайностей не позволяет. А вообще с этой кнопочкой было очень удобно, нажал на нее, и готово! И случайно, например, от сквозняка дверь захлопнуться с таким замком не могла. И к тому же не нужно было с ключами ковыряться, когда из дома уходишь. Нажал на эту кнопочку и пошел себе. Танька всегда ею пользовалась, когда из дома уходила.

– И кто знал об этой кнопочке?

– Да все Танькины знакомые знали, – пожала плечами Дуня. – И соседи, наверное, тоже. Во всяком случае, могли знать. Никакой тайны Танька из своего замка не делала.

– А когда вы входили в квартиру вашей подруги, то закрыли за собой дверь?

– Только прикрыла, – ответила Дуня. – Я ведь не знала, дома Танька или нет. Просто зашла посмотреть, все ли в порядке. Я нервничала, что Танька на звонки не отвечала.

В это время в дверях комнаты появился Петя.

– Вы случайно не знаете, где ваша подруга хранила свой мобильник? – обратился он к Дуне. – Что-то мы не можем его найти.

– Не знаю, – пожала плечами Дуня. – Может быть, он у нее в сумочке. Или в прихожей где-нибудь лежит.

– Нет его там, – пробормотал Петя. – А хорошо бы найти, в нем небось вся записная книжка покойной.

И он снова исчез в кухне. А Сергей начал задавать свои вопросы.

– А когда вы вошли в квартиру, дверь была на замке? – обратился он к Марише.

– Нет, – покачала головой та. – Просто прикрыта. Я вошла, не открывая замок. Да я бы и не смогла. Мне Татьяна ключей не давала. Мы с ней не настолько хорошо были знакомы. Если честно, то я даже не помнила точно, как ее зовут. Вот кота ее я помнила – Браслет. А саму хозяйку – нет.

– И зачем вы пришли к малознакомой женщине в гости?

– Так кричали, – удивилась Мариша. – Вот я и пришла проверить, не случилось ли чего.

– Это я кричала, – покраснев, призналась Дуня. – Испугалась очень, когда Таньку в холодильнике увидела, а потом поняла, что она мертвая.

– Да, – кивнула Мариша. – По времени так и было. Я очень быстро прибежала. Только руки вымыла и по лестнице на один этаж поднялась.

– А почему по лестнице, а не на лифте?

– Лифта ждать нужно было долго, – пояснила Мариша. – Правда, лучше бы я лифта подождала. А то на лестнице, как раз на Танькином этаже, какой-то псих торчал. Напугал меня жутко.

– Какой псих? – оживился Сергей. – Как он выглядел?

– Да вы что, серьезно спрашиваете? – искренне поразились Мариша. – Там на лестнице на уровне наших этажей ни одной лампочки не горит. А двери глухие, без стекол. Так что я только темный силуэт и видела. Я от страха закричала, а он вдруг побежал куда-то вверх, я тогда смогла подняться.

– Возможно, это и был убийца, – спокойно произнес опер, и впечатлительная Мариша покрылась липким холодным потом.

– Но зачем? – пролепетала Дуня. – Зачем ему было оставаться возле Таниной квартиры? Это же было для него опасно!

– Он мог забыть на месте преступления что-то для него важное, потому и вернулся, только в это время в квартире уже были вы, – ответил Сергей и тут же кинулся в кухню, видимо, доводить свои умозаключения до сведения коллег.

– Господи! – вырвалось у Витька. – Если бы я знал, Дунька, что так получится, никогда бы не отпустил тебя одну. Если наш мент говорил серьезно, то тебя, Дунька, могли убить, как и Таньку.

– Но за что? – поразилась Дуня.

– За то, что оказалась в не то время и не в том месте, – ответил Витек. – Ты сама рассуди, если тот тип на лестнице и в самом деле хотел вернуться в квартиру Таньки за какой-то важной для него вещью, а ты была в это время в квартире, то ты же ему мешала, так?

– Так, – кивнула Дуня. – Ну и что?

– А то, что он мог прикончить тебя! – воскликнул Витек. – И ты тогда бы ему уже точно не мешала!

– Ой! – пискнула Дуня. – Ужас!

Мариша только вздохнула. Ужас – было не то слово. Ее саму только сейчас охватила настоящая паника. А если бы у того типа на лестнице не сдали нервы? А если бы она закричала чуть тише, и он бы не испугался? Или он помчался бы не вверх, прочь от Мариши, а, наоборот, прямо к ней? Что бы с ней было сейчас? И как ни парадоксально, но, задавшись всеми этими вопросами, Мариша решила для себя совершенно точно, что она обязательно выведет того ти-

па, который убил Таньку, на чистую воду. Чего бы ей это ни стоило. Подавляющее большинство людей в подобной ситуации бежали бы подальше из этой квартиры, где случилось несчастье, но Мариша была не из этого большинства. И к тому времени, когда Сергей прокричал из кухни, что, вероятно, всем придется проехать в отделение, в голове у Мариши сформировался уже вполне четкий план, как ей следует действовать дальше.

Первым делом она кинула цепкий взгляд на Дуню. Девушка говорила, что была единственной подругой убитой. А значит, должна была хорошо знать окружение Татьяны, ее друзей, врагов и наследников. А в том, что у Татьяны обязательно появятся наследники, так как имелось имущество, которое можно будет заполучить, Мариша поняла уже давно. И сейчас приняла решение, что от Витька нужно каким-то образом избавиться.

Он постоянно торчал возле Дуни, держал ее за руку с видом собственника. И как подозревала Мариша, мог сильно помешать ей в осуществлении ее собственных планов насчет Дуни и ее участия в предстоящем расследовании. Мужчины вообще, по мнению Мариши, сильно напрягали, вечно во все вмешивались, так и норовя командовать парадом. А парадом любила командовать сама Мариша. Между тем бороться с мужскими амбициями было бесполезно, легче просто отодвинуть мужика или обойти его стороной. Обойти в данном случае не получилось, следовательно, Витька придется по-

двинуть. И Мариша, коварно улыбнувшись, задала первый вопрос:

– Дуня, а у Татьяны было много мужчин, которых ты лично тоже знала?

– Много, – кивнула простодушная Дуня.

Мариша покосилась на Витька и увидела, как тот насто-рожился. Видя, что дело на мази, и мысленно потеряв руки и поаплодировав собственному коварству, Мариша продол-жила:

– А как они были из себя? Привлекательные?

– Очень даже, – охотно кивнула Дуня. – Танька умела вы-бирать интересных любовников. И если бы не Танькин ха-рактер, то она бы уже давно могла выйти замуж во второй раз. Любая девушка могла бы позавидовать тому выбору, ка-кой был у Таньки.

– Любая девушка? – тихо пробормотал Витек. – И ты, да? Да, Дунечка?

Но Дуня, увлеченная своим рассказом, не обратила вни-мания на внезапно помрачневшего парня, который даже вы-пустил ее руку из своих лапищ.

– А вы кого-нибудь из них помните? – спросила Мариша у Дуни.

– Могла бы вспомнить, – кивнула Дуня. – А только зачем это нужно?

– Милиции может понадобится, – сказала Мариша. – Мне кажется, что убийца был близко знаком с Татьяной, раз

она пустила его в дом.

– Мне тоже так кажется, – согласилась Дуня. – У Таньки в посудомойке стояли две грязные тарелки. То есть у нее был гость... или гостья.

– Вот-вот! – воскликнула Мариша. – Видите. Гость или гостья. И, наверное, этот человек и задушил Татьяну. Но скорей всего это был мужчина.

– Да, – сказала Дуня. – Мужчина, вероятней всего. Из подруг у Таньки была только я. Были, конечно, сотрудники из ее фирмы – женщины. И были другие знакомые. Но вряд ли Танька стала бы их приглашать к себе и кормить ужином. Если ей было нужно что-то обсудить с женщиной, она бы скорее пошла в ресторан, чем корячиться на кухне.

– Поэтому нужно вспомнить, кто из мужчин, знакомых с Татьяной, имел на нее зуб, – сказала Мариша. – И вообще постарайтесь вспомнить всех, кто мог бы желать Тане зла.

Дуня принялась перечислять. Имен было много, у покойницы явно была очень бурная личная жизнь. Витек, по мере того как Дуня перечисляла все новых и новых мужчин, а также пикантные подробности, связанные с этими мужчинами, которые Дуня рассказывала, беззаботно смеясь, мрачнел все больше. Попутно выяснилось, что часть телефонов любовников Татьяны имеется и у Дуни. Кажется, этот факт добил Витька окончательно. Он уже не просто сверлил свою подругу глазами, он прожигал ее, он испепелял ее, он раскладывал ее на атомы! Да что там на атомы. На элементар-

ные частицы! И попутно развеивал их по вакууму.

Но скандалу не суждено было разразиться именно сейчас. Потому что появился Сергей и пригласил всех проехать в отделение, где показания будут запротоколированы и вообще приобретут официальный характер. Из отделения их выпустили только через три часа. Каждого допрашивали по очереди. Причем первым допросили Витьку, потом Маришу, а только потом пошла Дуня. Как только она появилась из кабинета, где проходил допрос, Витек направился к ней.

– Я еду к родителям! – заявил он ей.

– Почему? – удивилась Дуня. – Что случилось? Ты что злишься?

– Злюсь?! – завопил Витек и даже топнул ногой. – С чего бы это мне злиться? С того, что ты с радостью принимала обеды со стола своей подружки?

– Какие обеды? – опешила Дуня. – Чего ты городишь? Ты в своем уме?

– Я-то в своем! – продолжал кипятиться Витек. – Наконец-то я все понял. Ты точно такая же дрянь, какой была и твоя подружка. Шалава! Подбирала Танькиных любовников, когда они ей надоедали. Прибить бы тебя, да руки марать не охота!

И, сделав это в высшей степени деликатное замечание истинно любящего мужчины, Витек решительно зашагал прочь. Дуня сделала было движение, чтобы последовать за ним, но внезапно остановилась.

– Ну и черт с тобой! – пробормотала она, между тем как ее глаза наполнялись слезами. – Проваливай! Кретин несчастный.

– Витек не любил твою подругу? – сочувственно спросила у Дуни Мариша, моментально оказываясь рядом.

– Не любил! – кивнула та. – Да и вообще, если честно, он дурак! Мариша, слушай, пошли ко мне? Мне сейчас очень нужно с кем-то поговорить.

– Пошли, – охотно согласилась Мариша. – Нам и в самом деле многое предстоит обсудить.

И новые подруги, подхватив Браслета, которого они не решились оставить одного в пустой квартире и притащили за собой в отделение, где он вел себя вполне прилично, отправились домой к Дуне.

Глава 3

Войдя в квартиру Дуни, Мариша только присвистнула.
– Какие хоромы! – воскликнула она.

И в самом деле, в непривлекательном старом здании с облупившейся штукатуркой и явно нуждающимися в покраске стенами располагалась отличная трехкомнатная квартира. Правда, просторные комнаты обставлены были как-то странно, сборная солянка разных стилей и эпох. Двадцатый век был представлен письменным столом конца шестидесятых, чешской стенкой, появившейся в мебельных магазинах страны в семидесятых годах. Порядком ободранный компьютерный столик соседствовал с новеньким спальным гарнитуром и шкафом-купе с зеркальными створками.

Браслет, радостно мяукнув, помчался обследовать новое жильё. Мариша направилась за ним следом, поглядывая по сторонам. Потолки в квартире явно превышали стандартные два с половиной метра, отпущенные советскими проектировщиками для жизни своих сограждан. Вообще же квартира, чистая и ухоженная, производила впечатление весьма скромного жилья. Свежие обои, не из дешевых, были белорусские, то есть на высокий класс никак не тянули. Кафель на стенах, блиставших свежей побелкой, был положен не меньше десяти лет назад, ванная и кухня не блистали навесными потолками.

Хорошенько осмотревшись, Мариша пришла к выводу, что, во-первых, живут тут люди хоть и аккуратные, но не имеющие средств или желания вкладывать большие деньги в ремонт квартиры. И второе, что огромная кухня спроектирована неудачно – вдоль самой длинной стены, деля ее на двое, шла разводка для газовых труб. Кроме того, тут же висела газовая колонка, тоже съедавшая место.

– Трубы очень неудобно расположены, – верно истолковав Маришин недоуменный взгляд, сказала Дуня, которая как раз заканчивала расставлять на кухонном столе чашки, раскладывать печенье и конфеты по вазочкам и заваривать чай. – Я все время думала, как их прикрыть каким-нибудь коробом. Правда, потеряется больше метра, зато выиграет эстетика. Да и шкафчики можно будет повесить. Господи! О чем это я говорю?! Танька ведь умерла!

И, уронив руки вдоль тела, Дуня плюхнулась на плетеный стул и горестно зарыдала. Мариша покосилась на расставленное перед ней угощение и предложила:

– А не выпить ли нам что-нибудь покрепче чая?

– В самом деле! – кивнула Дуня. – У Витька где-то был коньяк. Не бог весть что. Но сейчас поищу.

Она поднялась и, все еще шмыгая носом, принялась искать бутылку. Она обнаружила почему-то в холодильнике. Видимо, Витек понятия не имел, как следует хранить и употреблять этот напиток, и свято полагал, что коньяк, как и водку, следует пить ледяным. Коньяк был недорогим, всего

три звездочки. Но сейчас Мариша запросто выпила бы и настойку боярышника, лишь бы ее немного отпустил жуткий холод и вообще перестало бы наконец трясти. Дуня испытывала то же самое. Видимо, на девушках запоздало сказывался пережитый сегодня шок. Во всяком случае, Дунина рука с зажатой в ней бутылкой лихо выбивала дробь по краешку чайной чашки, куда и лился коньяк.

– Ну, за Таньку, – провозгласила Дуня, бодро опрокидывая в рот солидную порцию коньяка. – Мир праху ее.

Мариша тоже глотнула янтарной жидкости и чуть не задохнулась. Коньяк был терпкий и драл горло, словно наждак. Но зато через минуту по телу прошла теплая волна и страшно захотелось есть. Дуня, словно прочитав Маришино желание, молча извлекла из холодильника длинную сухую палку копченой колбасы и, отхватив от нее одним махом кусок граммов на сто, принялась жадно откусывать от него.

– Бери и ты, – предложила она Марише.

Мариша не заставила себя долго уговаривать. Браслет коротко мяукнул, намекая, что тоже не откажется от кусочка колбаски. Так девушки и кот жевали колбасу, пока она не закончилась.

– Уф! – выдохнула Дуня. – Вроде бы полегчало. Даже пот выступил.

И она в самом деле вытерла капельки, выступившие у нее на лбу.

– Выпьем еще? – предложила она.

– Выпьем, – охотно согласилась Мариша.

Но вторая чашка коньяка подействовала на Дуню странно. Она пригорюнилась, как-то осела и начала всхлипывать.

– Менты сказали, что Таньку задушил какой-то физически крепкий человек, – шмыгая носом, произнесла она. – Скорей всего, мужик. Но может быть, и баба, но только очень физически развитая.

– Понятно, – произнесла Мариша. – А среди врагов Таньки были такие?

– Мужиков у Таньки было навалом, – грустно заверила ее Дуня. – Если у всех у них проверять алиби, то целой жизни не хватит.

– Не у всех, – заметила Мариша. – А только у физически крепких. Сейчас мужик дохлый пошел.

– У Таньки совсем уж задохликов не водилось, – сказала Дуня.

– А я видела! – похвасталась Мариша. – Тощенький такой сам из себя, тихий. Волосики светлые, вроде бы коротко подстриженные. А сзади хвостик. Знаешь, как у китайцев.

– Так это Толик, – вздохнула Дуня. – Мастер восточных единоборств. Так что он запросто с любым мужиком бы справился, а не только с Танькой.

– Выходит, под подозрение попадают все, – закручинилась Мариша. – Это сколько же их было?

– Вообще-то в последнее время Танька малость поспокойней стала, – пробормотала Дуня. – Мужики у нее уже не так

часто менялись.

– И сколько же их было? – попыталась уточнить Мариша.

– Вот из постоянных я могу за последний год припомнить только пятерых, – сказала Дуня.

– И кто из них ненавидел Таньку так сильно, чтобы ее убить? – спросила Мариша.

– Да вроде бы никто, – пожала плечами Дуня. – Да и вообще, я уже говорила, Танькины любовники даже после разрыва зла на нее не держали. Они с ней вроде бы даже дружили. Ну, не то чтобы уж очень, но если Таньке от них что-то было нужно в профессиональном плане, то они помогали.

– Высокие отношения, – пробормотала Мариша. – Ну ладно, попробуем подойти к делу с другой стороны. Кто после Танькиной смерти становился ее наследником?

– Понятия не имею, – вздохнула Дуня. – Ни о каком завещании Танька речи никогда не заводила. Да и какие у нее родственники? Отец у Таньки умер. С матерью она отношений не поддерживала, даже не знала, жива она или нет.

– Но кто же тогда?

– Может быть, ее муж? – предположила Дуня.

– Муж?! – ахнула Мариша. – У Таньки был муж?

– Давно уже, – махнула рукой Дуня. – Но честно говоря, Вадька хоть парень и здоровый, но тьюфяк тьюфяком. Танька потому с ним и развелась, что очень уж ленив был. Целый день лежал бы себе на диване, и ничего-то ему от жизни не надо. Рохля, одним словом. Обломов в чистом виде. Нет,

Вадька убить Таньку точно не смог бы. Для этого нужно быть человеком совсем другого склада.

– Но все же его нужно навестить, – пробормотала Мариша. – В конце концов, он имеет право знать, что стал вдовцом. У тебя есть его адрес или телефон?

– И телефон есть, и адрес, – сказала Дуня.

– Тогда нужно немедленно ему сообщить.

– Это верно, – согласилась Дуня. – Может быть, прямо сейчас ему и позвонить?

– Мне кажется, лучше сделать это с глазу на глаз, – сказала Мариша. – Все-таки стресс для человека – узнать, что потерял супругу, пусть и бывшую.

– Ладно. Но вообще-то они с Танькой так и не развелись, – сказала Дуня, обувая на ноги туфельки и накидывая курточку.

После ее слов стремление Мариши пообщаться с незнакомым ей Вадькой возросло с невероятной силой. Она как раз продумывала, под каким бы благовидным предлогом отправиться ей вместе с Дуней, как вдруг девушка произнесла:

– Мариша, только ты должна поехать со мной. Боюсь, что одной мне будет не под силу рассказать Вадьке о том, что случилось сегодня. Ну, не смогу я в одиночку заново пережить весь этот ужас. Съездишь?

– О чем речь?! – радостно воскликнула Мариша. – Конечно! Мы же с тобой теперь в некотором роде близкие люди. По опыту скажу, убийство необычайно сближает.

Дуня, находящаяся еще под воздействием коньяка и стресса, как-то забыла уточнить, откуда бы у Мариши мог взяться подобный опыт. Поэтому она просто успокоилась, что поедет к Вадьке не одна. Потом попрощалась с Браслетом, который устроился на подоконнике и печально вылизывал шерстку, приводя в порядок свою переднюю лапку, деvушки быстро спустились вниз. Только тут они обнаружили, что на улице как раз начинается утро.

– Ой! – воскликнула Дуня. – Это сколько же сейчас времени?

– Около пяти, – смущенно пробормотала Мариша.

– Не рано ли для визита к Вадьке? – заробела Дуня.

– А он близко живет? – осведомилась Мариша.

– В Купчине, – пробормотала Дуня. – На Малой Балканской улице.

– Так это другой конец города! Пока доедем, будет уже шесть. Самое время, чтобы сообщить человеку, что он стал вдовцом! – решительно заверила Мариша свою подругу и потащила Дуню к подземной парковке, находящейся под их с Татьяной домом.

– Ты куда? – удивилась Дуня, влекомая за Маришей, словно пушинка.

– За машиной, – удивленно ответила Мариша, купившая пару месяцев назад, подобно многим питерцам, «Форд-Фокус», выпускаемый с недавнего времени на производстве совсем неподалеку от города.

Данная модель обладала многими достоинствами. Во-первых, она была недорогая, но более качественная, чем собственно отечественные марки, во-вторых, к ней нетрудно было достать запчасти, и в-третьих, машина была довольно симпатичная. Имелось одно только «но»: обо всех этих достоинствах быстро пронюхала не только Мариша, но и многие сотни ее сограждан. Так что «Форд-Фокус» отечественной сборки вскоре грозил стать такой же широко тиражируемой машиной, как и «ВАЗ». Одним словом, на «Фордах» теперь ездил тьма-тьмушая народу. Однако такие мелочи Маришу никогда не смущали. В машине был кондиционер, а одно это уже окупало все прочие недостатки. Но сегодня Марише не суждено было насладиться комфортной температурой в салоне ее машины. И вовсе не потому, что утро было раннее и в воздухе чувствовалась свежесть, так что кондиционер был совершенно не нужен.

– Ты же пила коньяк. И потом, я на машине не сумею найти дом Вадьки, – уперлась Дуня. – Я помню, как к Вадьке ехать от метро.

– От какого именно метро? – уныло спросила Мариша.

– От «Купчина», – удивилась Дуня. – Номер маршрутки помню, а вот саму дорогу нет.

– А адреса у тебя его что, выходит, нет? Ты же говорила, что есть, – напомнила ей Мариша.

– Я имела в виду, что я помню, как к нему добраться, – пояснила Дуня.

– Ну?

– Так я и помню, но только на общественном транспорте, – уныло сказала Дуня. – У Таньки в то время, когда они с Вадькой жили, машины еще не было. Да и вообще ничего, кроме квартиры, не было, а папа Танькин жив еще был, так он в квартире жил, и с Вадькой они не ладили. Потом-то он умер, конечно. Но не сразу. Так что Танька сначала у мужа жила. И я к ней всегда на метро ездила. На метро до «Купчина», а потом на автобусе. А после того как Танька с Вадькой разошлись, я уже к нему в гости, ясное дело, больше не ездила.

– Так что, может быть, он там уже и не живет? Мы напрасно в такую даль поперемся? – встревожилась Мариша.

– Да куда он денется? – беспечно пожала плечами Дуня. – Говорю же, совершенно инертная личность. Пальцем о палец не ударит. А маменьке его очень даже нравилось там, где они жили. Ей единственное не так чтобы очень нравилось, что Танька к ним тоже жить перебралась. Говорила, что тесновато у них.

– Выживала?

– Да нет. Как-то ее очень интересовал вопрос внуков. Постоянно твердила, что семья без детей не семья. И все время строила проекты, как они расширят жилплощадь, когда появятся внуки. Что-то у нее там выходило.

– И что?

– Ну а внуков Танька ей не подарила, вот они с Вадькой

и расстались, – сказала Дуня. – Верней, Танька сама ушла. Плюнула на Вадьку и в сердцах ему заявила, что пусть он выбирает – либо она, либо его мамочка с ее упорным желанием иметь внуков.

– И что он выбрал?

– Представляешь, – оживилась Дуня, – сказал, что с мамочкой ему как-то спокойней. И что вообще мамочку свою он дольше знает, чем Таньку. Ну и остался с мамочкой. А после уже, когда Танька богатеть начала, Вадька к ней снова подкатывался, только она его не приняла.

– Принять не приняла, но и разводиться не стала, – задумчиво пробормотала Мариша. – Почему бы это?

– А ей некогда все было, – сказала Дуня. – Танька вертелась как белка в колесе. А на развод сколько времени потратить нужно! Сначала в ЗАГС явиться, чтобы заявление подать, а через месяц снова тащиться, чтобы свидетельство о разводе получить. И потом, Танька замуж не собиралась, так что Вадька ей не мешал. Нет его рядом, жить он ей не мешает – и ладно.

– Ясное дело, – пробормотала Мариша. – Зато теперь этот Вадька имеет полное право на все денежки твоей подруги. Тебе это не кажется подозрительным?

– Да тюфяк он! – махнула рукой Дуня. – Точно тебе говорю, не он это Таньку. Никогда в жизни у него пороха не хватило бы на это.

– Значит, кто-то другой для него постараться мог, – сказа-

ла Мариша. – Как ни крути, а наследник все равно он. Даже если Танька составила завещание в пользу другого лица, то все равно суд права Вадьки уважит и часть Танькиных денег ее муженек получит.

– Это ему царский подарок будет, – загрустила Дуня. – Но все же я думаю, что он Таньку не убивал.

– Ладно, – махнула рукой Мариша. – Поехали, посмотрим, что это за Вадька такой.

– А как?.. – заикнулась Дуня, но Мариша ее живо перебила.

– А так. На какой-нибудь попутной машине доедем до Купчина, а там найдем нужный автобус и поедем следом за ним. Ты только по сторонам смотри, чтобы нужный дом не пропустить.

– Хорошо, – покорно кивнула Дуня. – Не беспокойся, я не подведу.

И девушки отправились в путь. До Купчина они добрались без проблем. Даже Мариша была вынуждена признать, что, когда за рулем сидит другой человек, она чувствует себя гораздо комфортней, чем когда рулит сама. Хотя за то время, что Мариша не сидела за рулем, ее водительские навыки ничуть не ухудшились. Честно говоря, ухудшаться им было некуда. Водила Мариша из рук вон плохо, но тем не менее обладала, видимо, каким-то особым энергетическим полем, потому что ни разу не попадала в серьезную аварию. Юлька, которая водила куда аккуратней, била свои машины не

меньше семи раз. Мариша, лихо пролетая оживленный перекресток на красный свет, максимум могла рассчитывать на то, что ей просвистят вслед. И самое странное, что, какой бы лихач ни попался Марише в шоферы, он тоже никогда не влипал в аварии, разумеется, до тех пор, пока Маришина персона находилась в салоне его автомобиля. Но Дуня, не осведомленная о такой особенности Маришиной энергетики, только испуганно охала, вжималась поглубже в сиденье и цеплялась изо всех сил за ремень безопасности.

– Вы не могли бы ехать потише? – наконец пролепетала она, обращаясь к водителю, но тот не ответил.

– Сейчас за автобусом тихо придется ехать, – утешила ее вместо водителя Мариша. – За ним не погоняешь.

И досадливо вздохнула. А Дуня принялась с нетерпением ждать появления автобуса. Как Мариша сказала, так и вышло. Пристроившись за нужным автобусом, подруги проехали три остановки, тащась как черепахи, и наконец Дуня указала на длинный десятиэтажный дом.

– Вот тут!

– Ты точно уверена, что мы приехали туда, куда нужно? – удивилась Мариша, вылезая из машины и оглядевшись по сторонам. – Помнится, ты говорила, что матери Вадьки тут нравилось? Но что же тут может нравиться?

Вокруг тянулись унылые блочные дома, а неподалеку начиналась какая-то длинная серая бетонная ограда, по всей видимости, ограждавшая территорию какого-то производ-

ства, скорей всего, судя по распространяющемуся вокруг резкому запаху, – экологически небезопасного. Вдобавок в утренней тишине особенно хорошо слышался шум проходящего по железнодорожным путям товарного поезда.

По тому, как затряслась земля, железная дорога проходила совсем неподалеку. Хотя и это обстоятельство при желании можно было счесть достоинством. Например, возвращаетесь вы с юга, до вокзала еще далеко, ехать не хочется, а ваш дом – вон он! Рукой подать. Вот и выскакиваете вы из поезда вместе с вещами, когда тот немного притормозит. А потом прямым ходом через поля к своему родному дому. Но сколько раз в год вы ездите на юг? Один, от силы два. И ради этого терпеть рядом со своим жильем железную дорогу! Мариша только головой покачала.

– Всякий кулик свое болото хвалит, – в ответ на искреннее недоумение, отразившееся на лице Мариши, ответила Дуня. – Ну, что же ты застряла?

И девушки прошли к дому, где жил Танькин супруг, а теперь уже вдовец.

– Звони ты, – сказала Дуня, подведя Маришу к обитой темным дерматином двери. – Я боюсь.

– Чего? – удивилась Мариша, нажимая на кнопку.

– Не чего, а кого, – поправила ее Дуня, и в этот момент дверь без дальнейших проволочек распахнулась.

– Ой! – выдохнула Мариша, увидев появившегося перед ней колосса.

Мариша и сама-то была девушкой крупной. Руками, ногами и всем таким прочим природа ее не обидела. Вдобавок к высокому, почти под метр восемьдесят, росту, Мариша обладала соответствующей комплекцией и мало напоминала тех вешалок, которые гордо шествуют по подиумам всего мира. Как говорится, все было при ней. Но та дама, которая возникла на пороге квартиры Вадьки, была великаншей даже по сравнению с Маришей. Одного взгляда на эту даму было достаточно, чтобы понять, почему она так бесстрашно открыла дверь, даже не поинтересовавшись, кто звонит. На такую громилу не рискнул бы напасть ни один бандит.

– Вы к кому? – обратилась великанша к девушкам, небрежным движением забрасывая за ухо выбившуюся густую прядь темных волос.

От этого движения по площадке прошелся маленький торнадо.

– М-м-мы к Вадьке, – промямлила Мариша.

Лицо дамы осталось непроницаемым, но в голосе бряцнула сталь.

– Кто вы такие? – спросила она. – И зачем вам нужен мой сын?

– Наталья Дормидонтовна, – неожиданно вылезла вперед Дуня, до сих пор трусливо жавшаяся позади Мариши, – вы меня не помните? Я – Танина подруга.

Великанша, носившая такое странное имя, посмотрела на девушку и кивнула.

– Узнаю, – сказала она. – Здравствуй. Что же, проходите, раз уж все равно разбудили.

Девушки вошли в квартиру. Потолки в квартире Натальи Дормидонтовны были стандартные, так что все люстры, плоской конструкции, крепились прямо к потолку, без всяких там цепей и прочих свисающих деталей. На взгляд Мариши, предосторожность отнюдь не лишняя. Наталья Дормидонтовна и так заставляла те люстры, которые не были закреплены намертво, качаться, когда проходила мимо них. И вообще в квартирке для такой громадины было тесновато.

– А где Вадим? – спросила у нее Дуня.

– Он спит! – величественно отозвалась Наталья Дормидонтовна. – Позвольте вам напомнить, что сейчас всего шесть утра.

– Уже почти семь, – буркнула Мариша. – Мог бы и встать. У нас для него печальные новости.

Наталья Дормидонтовна некоторое время внимательно смотрела на подруг. Потом, видимо, решив, что не зря они в такую рань приперлись в гости и дело того стоит, отправилась будить сына. Обрато она вернулась в компании крупного мужчины, который, впрочем, все равно доставал ей только до подбородка. Такого заспанного и опухшего субъекта, с малость недоразвитым лицом, Марише видеть давно не приходилось. А если уж говорить до конца честно, то мужчина слегка напоминал дауна. Совсем, совсем самую малость, но этого было достаточно, чтобы насторожиться. Впрочем,

Мариша припомнила, что дауны обычно бывают благодушно и мирно настроены ко всем окружающим. А недостаток интеллекта у мужчин вообще не редкость.

Вадим плюхнулся на стул, который жалобно под ним скрипнул, и тут же сделал попытку снова заснуть.

– Привет! – сказала ему Дуня.

Видимо, голос показался мужчине знакомым. Потому что Вадим открыл один глаз и недоуменно посмотрел на Дуню. Зрелище настолько его поразило, что он открыл и второй глаз.

– Откуда ты тут? – поразился он. – Что случилось?

– Случилось, – грустно кивнула Дуня. – Вчера вечером умерла Танька.

После ее слов в кухне стало очень тихо. Мариша напряженно наблюдала за выражением лиц обоих Танькиных родственников. Лицо Вадима не отразило ничего, кроме недоумения. У него даже челюсть отвисла. А глаза впервые за время всего разговора окончательно раскрылись. Но нельзя было сказать, что в его мозгу шел напряженный мыслительный процесс о том, какую выгоду ему может сулить смерть жены. Мужик был просто ошарашен, и все. Наталья Дормидонтовна тоже выглядела потрясенной, но все же в меньшей степени, чем ее сын. И не удивительно, что первой откликнулась именно она.

– Вы не выдумываете? – спросила она осторожно.

– Наталья Дормидонтовна! – возмущенно воскликнула

Дуня. — Как вы можете думать, что я способна шутить такими вещами?

— Ты, пожалуй, нет, — покачала головой Танькина све-кровь. — А вот моя дорогая невестушка... Такие шуточки вполне в ее духе. От нее вечно было какое-то беспокойство. Удивительно нестабильная девчонка. Она могла и со своей смертью шуточки шутить.

Но тут Наталья Дормидонтовна прикусила язык, видимо, вспомнив, что говорит о покойнице.

— Зато ваш Вадим ходячая статика, — язвительно отклик-нулась Дуня. — По сравнению с ним и снулая рыба — настоя-щий живчик.

— А? — подал голос Танькин муж, услышав свое имя, но тут же, не дожидаясь ответа, спросил сам: — Дуняша, а ты точно уверена... это... насчет Тани... Это правда?

— Правда, — кивнула Дуня.

— Но что?.. Как ее убили? — спросила Наталья Дормидон-товна.

— Убили? — переспросила Мариша. — Разве мы сказали, что ее убили?

— А разве нет? — удивилась Наталья Дормидонтовна. — Конечно, либо она погибла от несчастного случая, либо ее уби-ли. Одно из двух.

— Вообще-то с ней могла произойти масса других непри-ятностей, в частности, она могла заболеть, — предположила Мариша.

– Я разговаривала с ней два дня назад! – возразила Наталья Дормидонтовна. – И Татьяна ни словом не обмолвилась мне о том, что она плохо себя чувствует. Да и вообще, она всегда была здорова как лошадь. Вечно носилась сломя голову. Может быть, авария? У нее ведь была машина. А Танька должна была гонять как сумасшедшая. Долго ли до беды. Что? Я права?

– Нет, в первый раз вы сказали правильно, – ответила Мариша. – Ее именно убили.

– Так что вы голову нам, девушка, морочите?! – возмущенно воскликнула Наталья Дормидонтовна. – И хочу сказать, что ничего удивительного в том, что Татьяну убили, нет. Она, если хотите знать, вела очень беспорядочный образ жизни! Мужа бросила ради каких-то подозрительных любовников!

– Что вы понимаете! – разозлилась Дуня. – Вы всех со своим Вадимом сравниваете. Так вам все, кто темпераментней абсолютного нуля, кажутся вертихвостками и хулиганами. А Танька просто жила и получала от этого удовольствие. И никому не мешала!

– Но тем не менее кому-то она помешала, – резонно возразила Наталья Дормидонтовна. – Раз ее убили.

– Скажите, Вадим, вы придете на похороны? – спросила Мариша у мужчины.

– Я?! – вначале даже растерялся тот. – Ну, наверное. Полагаю, что я должен...

И он печально посмотрел на свою мать, словно ожидая от нее поддержки.

— Придет, — кивнула та.

— Вот и хорошо, — сказала Мариша. — Мы за этим и приезжали. О дне похорон мы вам сообщим. И мы тоже считаем, что Вадим должен быть. Тем более что он является наследником Татьяны.

Последнюю фразу Мариша долго готовила, и реакция слушателей ее не разочаровала.

— Что? — дружно воскликнули Вадим и его мать. — Каким наследником?!

— Обычным, — любезно сообщила Мариша. — Вадим до сих пор является мужем Татьяны. Брак их не был расторгнут. Следовательно, он ее наследник. Или по крайней мере один из наследников.

— Мне ничего не нужно, — тихо произнес Вадим, и на глазах его появились слезы. — Правда. Я очень любил Таню. Но она... И я... Словом, мы с ней двигались на разных скоростях. Я за ней просто не поспевал. И чувствовал, что вишу на ней словно якорь. И она это чувствовала.

— Что ты говоришь глупости! — возмутилась мать. — За Танькой и сам черт не поспел бы. У нее словно шило в одном месте было. Чистая ртуть, а не девка.

— Но она первая заговорила о том, чтобы нам жить отдельно, — еще тише произнес Вадим. — И сказала эти самые слова насчет якоря. И она не шутила. Я и сам чувствовал, что мы

с ней не совпадаем.

– Ладно, – решительно заявила Наталья Дормидонтовна. – Дело-то прошлое. Сейчас нужно подумать, как достойно похоронить Татьяну.

– Я все сделаю, – сказала Дуня.

– Если чем нужно помочь, то мы согласны, – сказала Наталья Дормидонтовна. – Вадим уже три года работает на хорошем окладе.

– А где, если не секрет? – поинтересовалась Мариша.

– Я – компьютерный дизайнер, – пробормотал Вадим, отводя глаза.

– А что за фирма пользуется вашими услугами? – настаивала Мариша.

– Бывает, конечно, что и фирмы ко мне обращаются с заказами, но большую часть моих доходов приносят частные заказчики, – ответил Вадим. – Кому-то нужно сделать сайт, кто-то желает получить компьютерную версию своего будущего интерьера в доме, кто-то заказывает фотоальбомы или каталоги. В общем, заказы бывают очень разные.

– Другими словами, вы работаете дома? – уточнила у него Мариша.

– Ну да, конечно, – кивнул Вадим. – Только что прилег, срочный заказ делал вчера весь день и ночью даже не спал. Утром выдохся и заснул. А тут вы звоните. Разбудили меня. И про Таньку такое рассказали. Теперь я долго в колею войти не смогу. Хотя вообще-то я своей работой очень доволен.

Знаете, я не люблю спешить. Предпочитаю делать все основательно. Пусть не быстро, но зато уж чтобы наверняка.

Мариша при этих словах прямо вся похолодела. Подруги быстро распрощались с тормознутым Вадькой и его великаншей мамашей и выскочили на улицу.

– Дуня, ты поняла, что он сейчас нам сказал?! – восклицала Мариша. – Он же фактически признался нам во всем!

– В чем во всем? – удивилась Дуня.

– В убийстве жены! – возбужденно пояснила ей Мариша. – Он же сам сказал, что предпочитает долго вынашивать план, а потом уж действовать. Вот он и вынашивал все эти годы план мести Таньке, которая его бросила. А потом, когда она разбогатела, взял и отомстил!

– Как-то такое коварство с Вадькой не вяжется, – попыталась усомниться Дуня. – Он, честное слово, парень добрый, только спокойный чересчур. Но попадись ему такая же спокойная женщина, жили бы они счастливо. А Танька и в самом деле была для Вадьки слишком реактивна. Думаю, что ему и самому было с ней порой тяжело. Уверена, что он даже вздохнул с облегчением, когда она от него ушла. Так что мстить ему вроде бы и не за что.

– Хорошо, – согласилась Мариша. – Не месть, так жажда денег. Честно говоря, несмотря на заверения Натальи Дормидонтовны, я что-то большого достатка в их доме не заметила. Да, согласна, они не бедствуют. Но что-то мне слабо верится, что Вадька способен с его медлительностью зарабо-

тать хорошие деньги. Да и алиби у него нет. Что это за алиби, если он говорит, что весь вечер и ночь просидел за компьютером? Кто это может подтвердить?

– Его мать, – подсказала Дуня.

– Ей веры у меня никакой нет! – возразила Мариша. – Мать всегда выгородит своего сыночка. Даже если Вадька этим вечером и уходил из дома, она в этом ни за что не признается.

– Уходил он или нет, этого нам не узнать, – сказала Дуня.

– Фу! – надулась Мариша. – Что за пессимизм?! А соседи на что?

– А на что они? – удивилась Дуня.

– Нужно с ними поговорить на предмет того, не видел ли кто Вадьку прошлым вечером, выходящим или, напротив, входящим в дом. Раз ты говоришь, что Татьяна вывалилась из холодильника мягко, значит, она еще не окоченела и, значит, убийство произошло совсем незадолго до твоего появления. Час или даже меньше. А может быть...

Но продолжить Марише не удалось, потому что Дуня внезапно разрыдалась.

– Бедная Танька! – рыдала она. – Что мне, клуше огородной, стоило немного поспешить?! Если бы я не ругалась с Витьком, а сразу же, как только почувствовала тревогу, помчалась бы к Таньке, то она, может быть, и сейчас была бы жива.

– Ага, или ее убийца прикончил бы вас обеих, – фыркну-

ла Мариша. – И нечего себе комплексы наживать! Что случилось, то случилось. Ты бы все равно не успела. Даже если бы и спасла Таньку в тот раз, то убийца сделал бы свое дело в другое время.

– Но этого могло бы и не быть! – воскликнула Дуня.

– Поверь мне, когда люди приходят в гости к знакомым с удавкой в кармане – это решительно никак не вяжется с убийством в состоянии аффекта, – заверила ее Мариша. – Если уж гость притащил с собой удавку, точно, жди беды. Спаси ты от неизвестного злодея Таньку в этот раз, он бы все равно явился, может быть, уже на следующий день, и доделал свое дело. А может быть, и тебя бы заодно с Танькой прикончил. Как говорится, где один, там и два.

Дуня тяжело вздохнула, но слезы вытерла. Кажется, Маришины увещевания все же подействовали на нее.

– А как ты хочешь поговорить с соседями Вадьки? – спросила она у Мариши. – Что ты им скажешь?

– Неважно, что я им скажу, – задумчиво ответила Мариша. – Гораздо важнее, что они скажут нам.

Слегка прибалдевшая от такой глубокой житейской мудрости, Дуня молча двинулась следом за Маришей обратно к дому.

– Сейчас будут выходить собачники, – сообщила ей со знанием дела Мариша. – Нужно подружиться с самой противенькой бабкой. Желательно одинокой, и чтобы ее окна выходили на ту сторону, где находится подъезд. Тогда она

точно будет в курсе жизни своих дорогих соседей.

Такая кандидатура отыскалась не сразу. Вначале выходили совершенно заspanные собачники, далеко не преклонного возраста, которым явно было не до болтовни. Они потопрапливали своих четвероногих лохматых и гладкошерстных питомцев и нетерпеливо поглядывали на часы, видимо, боясь опоздать на работу. Потом пошла следующая партия – детишки. Их подружки тоже отвергли, хотя бы потому, что за детьми из окон наверняка наблюдали их заботливые родители, которым могло и не понравиться, что к их отпрыскам какие-то незнакомые тети пристают с разговорами. А привлекать к себе ненужное внимание девушки не хотели.

И наконец появилась третья и, судя по всему, последняя партия собачников. Это были те самые вожаденные пенсионерки. Выбрав самую жирную и противную дворняжку, больше всего напоминающую сардельку на тоненьких ножках, явно являющуюся единственным предметом любви своей хозяйки, подружки подвалили к ее владелице, которая как раз выплыла из того же подъезда, где проживал Вадька со своей мамашей.

– У такой чудовишно раскормленной сучки должна быть вольготная жизнь, – прошептала Мариша. – Посмотри на нее, она просто лопается от самодовольства. Наверняка хозяйка в ней души не чает.

– Но собака больно уж противная, – прошептала Дуня.

– Ты на хозяйку посмотри, – возразила Мариша. – Собака

– лишь отражение своей владелицы. Ручаюсь, что у этой бабки если и есть родственники, то они предпочитают не иметь с ней дела. Отсюда и непомерная любовь к собаке и любопытство к чужой жизни. Она та, кто нам нужен.

– Тебе видней, – покорно согласилась Дуня.

К этому времени девушки приблизились к владелице толстой дворняжки. Мариша кинула на бабуку один взгляд и даже вздрогнула. Бабка явно никогда не была красавицей, слишком длинный у нее был нос и маленькие глазки, а появившиеся с возрастом волосатые бородавки, щедро усеявшие ее лоб и подбородок, привлекательности тоже не добавляли. Собака при виде подруг тут же принялась их облаивать тоненьким визгливым голоском.

– Какая чудесная у вас собачка! – умилилась Мариша, изрядно покривив душой.

Вообще-то она животных любила. Но эта раскормленная до безобразия дворняжка решительно не вызывала в ней никаких теплых чувств, кроме жалости. Дышала бедняжка с трудом, лапки у нее как-то странно скривились, словно не в силах выдерживать слишком тучное тельце, а шерсть вылезла. В общем, симпатичного в собачке было мало. И тем не менее голос Мариши прозвучал так убедительно, что старуха мигом прониклась к ней симпатией.

– Наверное, это какая-то редкая порода? – продолжала Мариша прикидываться полной идиоткой. – Вероятно, из Франции?

– По правде сказать, я и сама не знаю, что это за порода, – призналась Марише бабка, впрочем, не отрицая наличие породы у своей питомицы.

На опытный взгляд Мариши, у которой у самой жили две чистокровные дворняги, в этой жирной лысой сардельке было намешано не меньше десятка пород, начиная от таксы и заканчивая мопсом.

– Просто удивительной красоты собака! – продолжала восторгаться Мариша. – И какая упитанная! Просто светится здоровьем!

– Да что вы! – воскликнула бабка. – Какое здоровье. Знали бы вы, как бедняжка страдает от желудочных колик.

– О! Это ведь жуткие боли! – скорбно покачала головой Мариша, искренне считающая, что если у этой жирдяйки что-то и болит, так только от обжорства, и единственное, что может ей помочь, так это хорошая диета недельки этак на две или лучше на три.

Но бабка экстрасенсорными способностями не обладала, поэтому услышала именно то, что хотела услышать. В итоге не прошло и пяти минут, как Мариша и бородавчатая бабка стали добрыми приятельницами. Наконец Марише надоело слушать про сложности с пищеварением у четвероногой обжоры, и она попыталась направить беседу на действительно интересующую ее тему.

– Наверное, возникают сложности с выгулом собак? – предположила она. – Вот у нас в доме собрались просто

невозможные люди. Запрещают выгуливать собак во дворе. Они, видите ли, загрязняют экологию. Вы слышали что-нибудь более нелепое? Как это творение природы может загрязнять экологию?

– Совершенно верно! – с жаром откликнулась бабка. – Вот машины – другое дело. Наставят по всему двору свои тарахтелки, ни пройти, ни протиснуться. А еще вонь! А шум какой! Иногда какой-нибудь дурак машину на сигнализацию поставит, а она всю ночь и воет. Так до самого утра, бывает, не заснешь. Вот Васька из нашего подъезда, сколько раз я ему твердила, чтобы он убрал свою колымагу из-под моих окон, ему и дела нет. Дождется, что я ее оболью какой-нибудь гадостью. Или вот Федор, жена у него...

И бабка принялась перемывать кости своим соседям. После того как закончились владельцы машин, дошла очередь и до остальных жильцов подъезда, стоявших, видимо, пониже в бабкиной табели о рангах. Марише оставалось только стоять, слушать и выбирать нужное из потока информации, как из грязного речного потока выбирают крупницы золота.

– ...А Ванька жену и выгнал в одной рубашке, – доносились словно издалека до Маришиного сознания. – И правильно, по моему мнению, сделал. Раз жена, так и живи по-человечески. А если не нравится, так уйди, и все тут. Вот в сто пятнадцатой квартире живут мать с сыном...

Как только последняя фраза коснулась слуха Мариши, она очнулась от своего полулетаргического состояния, в которое

ее вверг рассказ старухи. Сто пятнадцатая квартира была именно той самой, где жили Вадька и его мамаша.

— Как вы сказали? — откликнулась Мариша. — Мать с сыном?

— Да, — кивнула старуха. — Так я и говорю, что вот Вадьке жена не подходила, так она и мучить парня не стала. Собрала вещички и ушла. Правда, ей и было куда уходить. А Ванькиной жене идти особенно некуда. Сама из деревни, мать с отцом в деревне и живут. Родня тоже там. А ей самой в деревню после большого города, конечно, возвращаться неинтересно.

— А с этим Вадькой что? — поинтересовалась Мариша.

— А что с мужиком будет? — махнула рукой бабка. — Погоревал, да и нашел себе другую. Но вообще-то я про него напрасно так говорю. Он после ухода Таньки долго один жил. Видно, любил ее сильно, хоть по нему и не скажешь, что он на какие-то чувства вообще способен. На вид пентюх пентюхом. Но как бы то ни было, а Катька у него всего полгода как и появилась.

— Катька?! — откликнулась Мариша. — И что у них теперь, серьезно?

— А кто их знает? — пожала плечами бабка. — По всей видимости, да. Живут вместе. Катька сутками работает. Как с суток прибежит, сразу сюда. И ну своего Вадьку облизывать. И честно скажу, сразу видать, что у этих все прочно получится. Два сапога пара. Вадька — он как вагон инертный, а Катька

как паровоз. Его за собой тянет, но не напрягает слишком уж. Нашла баба к мужику подход, вот и ладится у них. Одна беда, нищие они.

– Как это нищие? – удивилась Мариша. – Разве двое молодых и здоровых людей могут быть нищими? Они что же, не работают?

– Да работают, конечно, – хмыкнула бабка. – А только мать Вадькина то и дело ко мне или к другим соседям забегает, чтобы пару сотен до получки занять. Я уж ей говорила-говорила: виданное ли это дело, Дормидонтовна, при взрослом-то сыне до получки одалживаться? Понятное дело, что ты на инвалидности по давлению сидишь, работать не можешь. Но сын-то у тебя при руках и при ногах вроде бы? Что же он копейку в дом не несет?

– А она что?

– Вздохнет только, и весь сказ, – ответила бабка. – И не пьет ведь он у нее совсем. Но, думаю, дело в том, что зарабатывает Вадька, видать, меньше, чем сжирает. А Катька, она где-то диспетчером работает, так тоже не особенно много получает. Где ей Вадьку да еще его мамашу прокормить. Она же как великанша. И ест за один раз столько, что нам с Куськой на неделю бы хватило. А в последнее время у них и совсем туго стало.

– Что такое? – оживилась Мариша.

– Да выперли Катьку с работы, – пояснила бабка. – Дормидонтовна уж ко мне прибежала, сама не своя. Уволилась,

говорит, Катерина с работы. Чудит что-то. Мол, незачем ей теперь за копейки спину гнуть. Поработала она, мол, свое, и хватит. Отработаю последние две недели, и все. Теперь, мол, пришла пора Вадику за дело приниматься и наконец показать, кто в доме мужчина.

– С чего это ей такая шлея под хвост попала? – удивилась Мариша.

– А я знаю? – пожала плечами бабка. – Уж и Дормидонтовна Катьку вразумляла. Белены, говорит, ты, что ли, объелась? Какой из Вадика кормилец? Возвращайся на работу и не дури. Видела ведь, с каким мужиком жизнь связала.

– А Катька эта что? – спросила Мариша.

– Да ничего! – воскликнула бабка. – Уволилась, и все. Дома теперь небось сидеть будет. Невесть какой манны небесной ожидает. Вадька сам малость с придурью, так, похоже, это зараза передается. Вот и Катька от него заразилась.

– Так, а этот Вадик вообще не работает? – спросила Мариша у старухи.

– Дормидонтовна балакает, что он, дескать, дома на компьютере какие-то заказы делает, – сказала бабка. – Правда то или нет, а только я Вадьку идущим на работу и в самом деле никогда не видела. Да и из дома он носа лишний раз не высунет. В магазин там или в сберкассу все Дормидонтовна тащится. А он дома сидит. Я уж и забыла, когда его в последний раз во дворе видела. Вчера вот под вечер выполз, так я чуть не упала от удивления.

– Да?! – прохрипела Мариша, чувствуя, как горло словно сжала железная рука. – Именно вчера?

– А что? Вечер теплый был, – пожалла плечами бабка. – Я и то на балкончик выползла на скамеечку, воздухом подышать. Как раз жара немного спала, мы с Куськой и отошли немного. А то весь день словно морские звезды в лежку пролежали. Двигаться никаких сил не было. Давление у меня ужасное. А врачи инвалидности не дают. Уж и не знаю, что им нужно. Вчера так двести на сто десять было.

– Ужас! – посочувствовала Мариша.

– Ну ничего, потом вроде бы отошла, – утешила ее бабка. – Погулять даже решила. А чего в духоте сидеть?

– И в самом деле, – согласилась с ней Мариша. – А ваш сосед, он что, тоже давлением мается? Погулять-то чего он только под вечер вышел?

– Да кто его знает? – усмехнулась бабка. – Вадька – парень упитанный. Может статься, что и гипертония у него. А только вчера он не гулять вышел. Катька его на смену вчера утром ушла, а он под вечер куда-то в гости намылился. Лично я глазам своим не поверила, когда Вадька в своем лучшем костюме, который ему на свадьбу сшили, из дома выплыл. Зрелище еще то было! Вадька-то за эти года раздобрел сильно, а костюмчик не резиновый, сами понимаете, вместе с хозяином не вырос. Так я удивляюсь, как на нем брюки-то не треснули. Так уж натянуты были, чисто барабан, а не задница. Я его и спрашиваю, куда же это ты, друг любезный, на

ночь глядя намылился?

– А он что?

– Остановился, поздоровался, – сказала бабка. – Вадька парень вежливый. Да и то сказать, я им все время денежки одалживаю. Правда, всегда отдают, да все равно не каждый от себя оторвет, чтобы чужим людям помочь. Так что Вадька со мной всегда вежливо разговаривает. Вот и в этот раз остановился и сказал, что за хлебом идет. Мол, глянул в хлебницу, а там ни крошки. Мать беспокоить, я так поняла, не стал, она себя чувствовала весь день плохо. К ней даже врачи приезжали на «Скорой». Так что Вадька сам пошел.

– В свадебном костюме? – поразилась Мариша.

– То-то и оно, что даже вам странно, – кивнула старуха. – А уж я-то Вадьку не первый год знаю. Как облупленный он у меня весь. Так что я сразу поняла, врет он. Ни за каким хлебом не идет, а намылился к кому-то в гости.

– Или просто погулять, – предположила Мариша.

– Ни-ни! – замахала на нее руками бабка, а Куська негодуяще залаяла. – Коробку конфет с собой потащил. Да и время позднее для булочной уже было. Она до восьми только работает. Он бы уже не успел.

– Понятно, – кивнула Мариша, с трудом сохраняя безразличное лицо. – Что же, дело молодое.

– Да только вернулся наш гулена не солоно хлебавши, – сказала бабка. – Уже поздно было, когда я с Куськой последний раз выйти решилась. Уже половину двенадцатого мои

часы на кухне показывали. Обычно я так поздно во двор не суюсь. Но тут пришлось. У Куськи, бедной, вчера животик прихватило. Выхожу я и прямо возле лифта с Вадькой и столкнулась. Столкнулась и испугалась даже. Стоял бледней мела, трясся весь. Я даже решила, что болен. Ключом в свою квартиру попасть не мог. Я еще спросила, что с ним, а он меня, кажись, даже и не заметил. Так в свою квартиру прорвался, дверь захлопнул, и все дела. Но одно могу сказать, не засиделся Вадька в гостях. Всего от силы часа три с половиной и прошло с того, как он ушел, и до того момента, как вернулся. Куська, Куська! Брось эту гадость! Слышишь, что я тебе говорю? Немедленно брось! Опять живот схватит, я с тобой по три раза за ночь выходить не стану!

И бабка кинулась за своей питомицей, что-то вдохновенно разрывающей возле помойных контейнеров. Мариша с досадой посмотрела на Куську, которой так некстати пришлось в голову попробовать помоечную гастрономию. Но, с другой стороны, бабка с бородавками уже выболтала девушкам все, что они хотели узнать.

Глава 4

Дело об убийстве молодой женщины Татьяны Лазоревой было передано следователю Евгению Белоокову. Несмотря на красивую фамилию, девушки замуж за Женю гурьбой отнюдь не рвались и его прекрасную фамилию на свой лад длинными ночами, томясь без любимого, никак не склоняли. Впрочем, и девушки-то у Жени не было. Все свое время, как служебное, так и свободное, он отдавал любимой работе. Женя с редким, на взгляд его близких, занудством считал и, несмотря ни на что, продолжал считать, что дело милиции – стоять на защите безопасности граждан.

– Что у нас там со свидетелями? – спросил он у оперуполномоченного Петра Косова, занимавшегося первичным опросом соседей пострадавшей.

– Со свидетелями негусто, – поспешил разочаровать его Петя. – Никто ничего не видел. Одна бабка вроде бы видела, как на этаж убитой поднимался толстый старик в плаще.

– Что за старик?

– Она его не знает, – ответил Петр. – Говорит, какой-то незнакомый. С бородой, в очках и шляпе. Но она его толком не разглядела. И даже не уверена, к Татьяне ли он шел.

– А другие соседи?

– Те вовсе никого подозрительного не видели. Даже на крик, который слышали многие, отреагировала только со-

седка снизу. В общем, все как обычно. Никому нет дела до соседей. Вот помню в застойные времена, тогда свидетели...

– Точно сам помнишь? – недоверчиво хмыкнул Белооков, справедливо полагая, что «застойные времена» его опер помнить никак не может по причине своего юного возраста.

– Ну мне батя рассказывал, – смутился опер.

Петя был из потомственной милицейской семьи, так что ничего странного в его замечании Белооков больше не усмотрел и успокоился.

– Так тогда свидетели так и рвались дать показания, – продолжил Петя свой рассказ. – А сейчас все ноги себе стоптал. Ни одного, кто что-нибудь путное видел, не нашел. Закрылись в своих квартирах и спали как сурки.

– Их тоже можно понять, время было позднее, – покачал головой следователь.

– Их можно понять, а мне что делать? – разозлился Петя.

– Но тем не менее нужно искать свидетелей, – заметил следователь. – У покойной незадолго до смерти был гость или гостья. Скорей всего, этот человек и был убийцей. Так что, получив описание гостя, мы будем иметь на руках портрет преступника.

– Не похоже на убийство на бытовой почве, – осторожно заметил Петя. – Из спиртного там в квартире только одна бутылка вина. И то из нее отпили по одному бокалу, не больше. Не могло же из-за одного бокала беды случиться?

– А вот случилась, – вздохнул следователь. – Но я с тобой согласен. На бытовуху непохоже.

– Покойная занималась бизнесом, – сказал опер. – Может быть, конкуренты киллера наняли?

– Заказное убийство? – задумался следователь. – Но зачем убитой пускать к себе в дом незнакомого человека да еще кормить его ужином и поить вином? Нет, скорее всего, в гостях у нее был человек, которого она хорошо знала и любила.

– Любовник? – с ходу предположил опер.

– Вероятней всего, – кивнул следователь. – Но версию о происках конкурентов тоже не будем отбрасывать. В конце концов, наемный убийца мог и втереться в доверие к убитой.

– Тем более что покойница, по словам ее соседей, отличалась бурным темпераментом, – поддакнул опер. – Любовники у нее менялись как перчатки.

– Так их было много? – слегка расстроился следователь. – Ну что же. Нужно выяснить их имена и начинать работать с их алиби. Первичное время смерти эксперты установили?

– Вчера, как только выехала бригада, эксперты сказали, что, судя по степени окоченения трупа, убийство произошло где-то максимум за сорок минут до того, как его нашли, – ответил Петр. – Точней пока сказать трудно, потому что неизвестно, сколько тело пролежало в холодильнике.

– Ладно, хотя бы так, – кивнул Женя. – Кроме того, наведайся к убитой в ее офис. Поговори с секретаршей, вообще с людьми, которые работали с покойной. Вероятно, они

могут чем-то помочь. Выясни, не появилось ли в последнее время у покойной проблем личного или профессионального характера. Может быть, ей кто-то угрожал. Или, может быть, она была чем-то озабочена.

– Не учи ученого, – пробормотал в ответ Петя. – Что я, своей работы не знаю?

– Плохо знаешь, если со времени убийства прошло уже почти восемь часов, тело было найдено в одиннадцать двадцать, сейчас семь, а у нас на руках нет ни одного реального подозреваемого, – отрезал следователь. – Выходит, что по горячим следам убийства мы не раскроем. Придется попотеть. А кстати, что там с главным свидетелем?

– Свидетельницей, – устало поправил его опер. – Тело нашла подруга убитой. Единственная. Утверждает, что волновалась за подругу. Зашла к ней и сразу же направилась к холодильнику. Ну и... нашла тело.

– Вот как? – оживился следователь. – А она сама-то подругу не могла?..

– Нет, – с видимым сожалением покачал головой Петя. – По комплекции не годится. Эксперты сразу сказали, что убийцей был человек недюжинных физических способностей. Убитая не просто задушена, у нее повреждены шейные позвонки. А главная свидетельница – девица хлипкая. Ей никак было не справиться с покойной, дойди дело до борьбы. Вот соседка убитой – дело другое. Да ты ее видел!

– Ага, – кивнул следователь. – Видная девушка.

– Такая и мужика придушит, если что. Но у нее нет мотива, – печально произнес Петя.

– Вот как, – прикрыл глаза следователь. – Тогда вернемся к подруге. Кстати, а любовник у этой подруги есть?

– Имеется, – кивнул Петя. – Почти муж. Живут вместе уже несколько лет. Появился на месте преступления третьим. Говорит, что не ладил с покойной, поэтому не пошел с женой к ее подруге, а остался подождать ее внизу у подъезда.

– Не ладил, говоришь! – оживился следователь. – Слушай, а дай-ка ты мне координаты этого муженька. Вызову его к себе. Поговорю с ним. Уточню на всякий случай, как у него там с алиби. Эксперты ничего нового насчет времени смерти сегодня утром, естественно, еще не сказали?

– Естественно, – ехидно кивнул Петя. – У них работы выше головы и без нашего трупа. Как сказали с самого начала, что убийство произошло за тридцать минут, ну максимум за тридцать пять – сорок до того момента, как был обнаружен труп, так и все.

– Значит, из этого и будем исходить, – пробормотал следователь. – Ну что же, действуй.

Петя отправился действовать, а Белооков, заварив себе чашку растворимого кофе покрепче, протянул руку и набрал номер телефона, указанного Витьком в качестве своего домашнего.

С момента разговора с бородавчатой бабкой, оказавшейся совсем не такой уж и противной, прошел уже почти час.

За это время Мариша успела втащить Дуню в тот подъезд, где жил Вадька и занять наблюдательный пост на верхнем этаже на той точке, откуда лучше всего была видна дверь в Вадькину квартиру.

– Нам нужно посмотреть, что там из себя, хотя бы внешне, представляет эта Катька, – разъяснила Дуне стратегическую задачу текущего момента Мариша. – Если она щупленькая и маленькая, то ее смело можно сбрасывать со счетов как непосредственного исполнителя и убийцу. Если она и была в деле, то исключительно как мозговой центр. Вадька этот, если честно, сообразительностью не блещет.

– Совсем болван, – грустно призналась Дуня и через некоторое время добавила: – Но мне казалось, что он Таньку сильно любил.

– Любовь к женщине в отличие от любви к деньгам со временем имеет свойство притупляться, – цинично заметила Мариша.

– Это да, – согласилась Дуня. – Но все же мне не хочется верить, что Вадька может быть как-то причастен к убийству Таньки.

– А про кого из Танькиных знакомых или родных тебе хочется верить, что он и есть ее убийца? – живо откликнулась Мариша. – Может быть, мы даром икру мечем? Ты бы, Дуняша, выбрала кого-нибудь другого, коли Вадька тебя не устраивает. А мне лично он кажется самым перспективным кандидатом.

– Только потому, что он наследник и вчера вечером ходил к кому-то в гости? – жалобно протянула Дуня.

– И потому, что он нуждается в деньгах, а самое главное, потому, что его сожительница вдруг взяла и уволилась с работы, которая, насколько я поняла, худо или бедно, но кормила ее саму, Вадьку и его мать, – ответила Мариша. – А тут вдруг Катька взяла и уволилась. С каких таких барышей? Нет, ты как хочешь, а мне вся эта дружно спевшаяся троица кажется очень подозрительной.

– Но Наталья Дормидонтовна расстроилась, когда узнала, что Катька уволилась! – воскликнула Дуня. – Значит, она не предполагала, что в скором времени Вадька может разбогатеть.

– Расстроилась, потому что Катька поспешила с увольнением и могла навлечь этим поступком на всех подозрение следствия, – разъяснила Дуне Мариша. – Вот и побежала всем плакаться, чтобы хоть как-то подозрение снять. Мол, как же они, бедные, жить будут, она и не представляет. А сама при этом очень даже хорошо все себе представляла. Да ты сама рассуди, если бы у тебя такое в семье случилось, что кто-то работы лишился, ты бы помчалась сор из избы выносить перед соседями?

– Пожалуй, нет, – потупилась Дуня. – Хоть и не виновата, а как-то неловко.

– Вот видишь! – с торжеством произнесла Мариша. – А ты еще споришь.

Уж что-что, а убеждать в своей правоте Мариша умела. Так что Дуне оставалось только признать свое полное поражение.

– Я и не спорю! – загрустила она. – Я только говорю, жаль мне, что Вадька оказался такой...

– Т-с-с! – неожиданно поднесла Мариша палец к губам. – Кажется, лифт идет. Точно идет. И как раз снизу!

– А почему ты думаешь, что Катька обязательно сегодня придет? – прошептала Дуня, когда стало ясно, что лифт пошел выше.

– Потому что она дежурит сутками, ушла вчера утром, значит, сегодня утром же должна и вернуться, – тоже почему-то шепотом объяснила ей Мариша. – Когда мы были у Вадьки дома, ее еще не было. Иначе бы уж она выползла. Поверь мне, нет такой женщины, которая бы отпустила своего мужика болтать с двумя незнакомыми, но привлекательными молодыми девушками, а сама бы при этом спокойно сидела у себя в комнате.

– А-а! – протянула Дуня. – Вообще-то верно. Как это я сама не додумалась.

– Практики у тебя маловато, – снисходительно пояснила ей Мариша и внезапно насторожилась. – Снова лифт! Кажется, на этот раз точно к нам!

И она не ошиблась. Кабина лифта остановилась на этаже, где жил Вадька. И из кабины вышла молодая девица с таким мощным торсом, обтянутым футболочкой-стрейч, что

становилось просто завидно. Руки у нее больше напоминали свиные окорока. Не от борова, конечно, но от вполне взрослого и упитанного кабанчика. Кроме этого, девица была обладательницей пары крепких ног, уверенно стоящих на земле, и тем простым лицом, которое сразу выдавало в ней сельскую жительницу, не привыкшую отягощать свой мозг размышлениями над философскими вопросами, зато явно привыкшую бороться с реальными житейскими трудностями. И к тому же не прекращающую этой борьбы ни на минуту.

Девица протопала прямо к двери квартиры Вадьки. Открыла дверь своим ключом и вошла. Дверь за ней захлопнулась, и подруги переглянулись.

– Вот вам и Катька, – пробормотала Мариша. – Явилась, красавица!

– Корова какая-то, – возмущенно произнесла Дуня. – И как Вадька вообще после Таньки, после умницы и красавицы, мог посмотреть на эту телку-переростка?

– Да они друг другу отлично подходят, – успокоила ее Мариша. – А вот Таньке он и в самом деле был никак не пара. Но в данный момент для нас важно не это. Важно то, что Катька производит впечатление неслабой девицы. Так что придушить рафинированную Таньку своими крестьянскими ручищами она вполне могла. Эта вскормленная на парном молоке особа явно способна и не на такой подвиг. Хотя лицо у нее довольно славное.

– Это ужасно! – пробормотала Дуня.

– Напротив! – бодро возразила ей Мариша. – Теперь у нас есть три подозреваемых, каждый из которых хотя бы по комплекции вполне мог прикончить Таньку. И мотив у них есть – деньги. Так что все трое – реальные кандидаты на роль преступника. И не переживай, твой драгоценный Вадька не окажется в гордом одиночестве.

– Только Катька не подходит, – возразила Дуня. – Она ведь была на работе.

– Это еще нужно проверить, – не дала сбить себя с толку Мариша.

– А как? – малодушно заныла Дуня. – Мы ведь даже не знаем, где именно она работает. Как же мы проверим ее алиби?

Этого Мариша еще не знала, но почему-то была уверена, что способ найдется. Нужно только хорошенько поискать. И пока подружки спускались вниз, ловили еще одну машину и усаживались в точно такой же «Форд», какой был у Мариши, самой Марише пришла в голову просто отличная мысль, как можно сделать так, чтобы все были довольны. Не в привычках Мариши было утаивать что-либо от своих друзей, поэтому она тут же выложила свою идею Дуне.

– Послушай, что я придумала! Нужно просто рассказать о том, что нам удалось узнать о Вадьке и его новой пассии следователю, который брал у нас показания! – воскликнула Мариша. – Он и выяснит, была ли Катька в то время, когда убивали Татьяну, действительно на работе. А заодно и Вадьку

потрясут.

– А это не опасно? – вдруг спросила Дуня. – Вадька, он, конечно, тормоз, но делает все на совесть. Если он так долго обдумывал убийство Таньки, то, наверное, подыскал себе алиби. Вот, например, намылился же он вчера вечером в гости к кому-то? А зачем, если он вообще домосед? Ясное дело, что он отправился обеспечивать себе алиби.

– Ну и что?

– А раз себе обеспечил, так, наверное, догадался и Катьке, и мамаше своей его обеспечить, – заявила Дуня. – Милиция допросит его, а он скажет, так, мол, и так, вся наша счастливая семья была в момент убийства у друзей, и оставьте нас в покое. И оставят они его в покое. А он затаится на время, потом получит Танькины денежки и заживет себе со своей коровой припеваючи. И ничего мы уже доказать не сумеем.

– Хм, – пробормотала Мариша. – Об этом я не подумала. А что же делать?

– Нужно схитрить, – сказала Дуня. – Пусть Вадька думает, что никто его ни в чем не подозревает. А за это время нам нужно успеть выяснить о Вадьке и его Катьке побольше, а потом уже предъявлять им обвинения, если будет что предъявлять. А для начала давай поспрашиваем соседей Таньки: может быть, кто-то из них видел Вадьку или его мамашу, когда они входили к Таньке вчера вечером?

– А что? – оживилась Мариша. – Соседи – дело хлебное. Только, наверное, менты уже успели с ними всеми перегово-

ритель.

– У меня есть на этот счет одна идея, – сказала Дуня. – Конечно, соседей менты уже опросили. Это верно. И если те что-то знали, то ментам уже рассказали. Но... – И тут Дуня подняла указательный палец. – Но есть еще один человек, который мог видеть, кто был в гостях у Таньки. Про него менты точно не знают.

– И что это за человек? – заинтересовалась Мариша.

Дуня наклонилась поближе к подруге и жарко зашептала той на ухо:

– Танька мне как-то похвасталась, что настолько пользуется успехом у мужиков, что у нее даже есть свой тайный воздыхатель. То есть не совсем чтобы тайный, она отлично знала, где он живет. Но вот на контакт с ней он идти почему-то не хотел.

– В смысле? – удивилась Мариша.

– Ну, живет этот парень в доме напротив, – хихикнула Дуня. – Во всяком случае, его окна находятся почти напротив окон Танькиной квартиры. Так вот этот парень влюбился в Таньку. Она мне говорила, что, как только приходит к себе домой и подходит к окну, сразу же видит его физиономию, маячащую в окне. Поджидает он ее, понимаешь?

– И что Танька? – тоже не удержалась и хихикнула Мариша. – Возмущалась?

– Да ты что?! – искренне удивилась Дуня. – Чтобы Танька и упустила такой отличный случай почудить? Вовсе она

его не прогнала. Ей очень нравилось, что у нее есть такой поклонник. Она даже время от времени, чтобы подогреть его интерес к своей персоне, устраивала для него маленькое представление с раздеванием. Устраивалась где-нибудь у окна и, старательно делая вид, что ни о чем не знает, раздевалась.

– И тот парень даже после такого откровенного намека не сделал шагов к сближению? – удивилась Мариша. – Странный он какой-то. Будь я на его месте и будь я мужиком, я бы тут же ринулась к Таньке в гости. Ведь ясно же, что она приглашает, раз устраивает такое шоу со стриптизом.

– Видимо, тот парень предпочитал просто смотреть, – хмыкнула Дуня.

– Псих какой-то, – сказала Мариша и тут же замерла. Дуня тоже замерла.

– А что, если это он Таньку того?.. – прошептала Дуня.

– Вот и я об этом думаю, – согласилась с ней Мариша. – А Танька не говорила, давно этот поклонник у нее появился?

– Не знаю точно, но Танька мне о нем рассказала не больше месяца назад, – ответила Дуня. – Может быть, она его раньше и не видела.

– Как это?

– Да просто, Танька его в упор не замечала.

– Так или иначе, поехали к этому парню! – решительно заявила Мариша.

По дороге к своему дому Мариша не переставала думать

о том парне, наблюдавшем за Танькой. И чем больше она думала, тем более странным он ей казался.

– Слушай, а как же Танька поступала, когда к ней приходили ее реальные любовники? – спросила наконец она у Дуни.

– А?! – очнулась та от созерцания пейзажа за окном машины. – Ты это о чем? Как поступала? Как все и поступала. Ты что, сама никогда этим не занималась?

– Да я вовсе не о том, – обиделась Мариша. – Я имею в виду, как же Танька обходилась со своим поклонником из соседнего дома? Она что, когда к ней приходил с определенной целью любовник, позволяла тому парню из дома напротив любоваться на свою акробатику?

– Вовсе нет! – фыркнула Дуня. – Танька задергивала шторы.

– Задергивала шторы, – пробормотала Мариша, ловя в своей умной голове какую-то ускользающую мысль. – Слушай, а ты не помнишь, когда мы были у Таньки, шторы у нее в спальне были задернуты?

– Да, – уверенно ответила Дуня. – Я еще обратила на это внимание, когда бродила по квартире и звала Таньку. Обычно Танька их не задергивала. А если шторы были задернуты, значит, она занята с любовником. Это привычка у нее появилась еще с тех пор, когда у нее бывало по несколько любовников одновременно. Тогда, если шторы в Танькиной спальне были задернуты, остальные знали, что место в дан-

ный момент занято. И тихо ждали своего счастья где-нибудь поблизости в кабачке или просто приезжали поздней.

– Так что же, Танька сообщала каждому своему парню, что он у нее не единственный? – изумилась Мариша, всем своим видом показывая, что такой откровенности не понимает и понимать не хочет.

– Ну, это было раньше, по молодости еще, – надулась Дуня. – Я же тебе говорила, что Танька всегда предпочитала играть в открытую. Так что она с самого начала информировала своего потенциального кавалера, что он будет у нее не единственный и, естественно, не последний. Некоторые отпадали сразу же, как только слышали эту фразу, а многих, наоборот, устраивала такая ситуация. Так что у нее никаких скандалов не происходило. Каждый заранее был извещен о том, что эксклюзивных прав у него на Таньку нет. Разумно?

Мариша прикинула про себя, скольких проблем избежала Танька, заранее оповестив всех своих кавалеров о том, что в забеге участвуют еще несколько десятков претендентов, потом подумала о том, в скольких щекочущих нервы ситуациях не довелось побывать Таньке, и вздохнула. Сама Мариша почему-то всегда умудрялась находить жутко ревнивых типов, в которых к тому же влюблялась так безоглядно, что даже и помыслить не могла о том, чтобы сообщить им шокирующую новость о том, что они вовсе не так уж одиноки в своем обожании ее бесценной персоны.

– Значит, Танька ни к кому из мужчин серьезно не отно-

силась? – решительно прервав полет своей фантазии, спросила у Дуни Мариша.

– Почему же? – искренне удивилась та. – Бывали у нее романы. Но они неизменно заканчивались разрывом. Ни один человек не в состоянии долгое время прожить бок о бок с Танькой. Энергия из нее была ключом. Вечно она куда-то мчалась, что-то организовывала, где-то развлекалась. Мужики долго такой гонки не выдерживали.

– Но ты же с ней дружила? – нашла повод усомниться Мариша. – И ничего. Не жаловалась на Танькину энергичность.

– Но я же с ней не жила под одной крышей! – рассудительно сказала Дуня. – Одно дело – видеть Таньку пару раз в неделю по несколько часов. Тогда, да! Это праздник. Сплошной фейерверк и постоянное шоу! Но жить с ней ежедневно рядом, бок о бок? Нет уж, я бы с ума сошла. Мы с ней один раз поехали в Таллин. Всего на три дня. Так я думала, что не доживу до конца срока. Я приехала домой и отсыпалась после Танькиной программы целые сутки. А чтобы окончательно прийти в себя, мне понадобилась неделя.

– Но какие-то постоянные мужчины у Таньки были? – спросила Мариша.

– Я же тебе говорила, что кое-кто из них записан у меня в записной книжке, – сказала Дуня. – Но, конечно, только некоторые.

– А зачем ты-то их себе записала? – внезапно заподозрила неладное Мариша. – Я вот телефоны и адреса любовников

своих подруг в свою записную книжку не записываю.

– Так мне Танька их сама давала, – простодушно объяснила Дуня. – Только ты не подумай чего плохого. Ничего такого не было! Просто они были полезны не только Таньке. Вот, например, Лешка занимался ремонтом мебели, он мне дверцу у шкафа починил и еще к кухонному шкафчику полочку сделал. Не бесплатно, разумеется, но качественно и недорого. А Вовка где-то в управлении железной дороги работал. В жару, в сезон отпусков, когда за билетами многокилометровые очереди выстраиваются, это знакомство было так кстати, актуально оно до сих пор. А еще был Боря, так он владелец цветочных теплиц. У него всегда в любое время года можно купить самые свежие цветы, которые простоят не неделю, а месяц или даже больше. Понимаешь?

– Понимаю, – скисла Мариша, поняв, что и в самом деле ничего тут особенного нет.

– Танька всегда говорила, что если любовь ушла, то это еще не повод, чтобы терять полезное знакомство, – на всякий случай добавила Дуня.

К этому времени подружки уже доехали до дома, стоящего напротив дома Таньки.

– И где тут нам искать окна Танькиного обожателя? – спросила Мариша, задумчиво глядя на огромный дом со многими сотнями окон.

За каким из них прятался таинственный поклонник? И что этот поклонник хотел от Таньки, если довольствовался

одним наблюдением за ней?

– Она говорила, что он всегда маячит в окне, как раз напротив ее спальни, – фыркнула Дуня. – Впрочем, Танька как-то раз и меня позвала полюбоваться на этот аттракцион. Поэтому я помню, у него на окне в комнате висел такой большой плакучий цветок с красивыми темно-фиолетовыми листьями и розовыми цветочками.

Увы, снизу цветка было не разглядеть. Подруги смотались к Марише за биноклем и принялись разглядывать окна.

– Самого парня я тоже разглядела, – проинформировала Дуня подругу, глядя в бинокль. – Так что найдем. Хотя вон, похоже, его окно! И вон цветок!

Мариша тоже увидела нужное окно. И подруги принялись высчитывать, к какой квартире оно может относиться. В процессе они поссорились, и дело едва не дошло до драки, потому что вспыльчивая Мариша уже приготовилась дать тумака упрямой Дуне. Но в конце концов, немного подувшись друг на друга, девушки пришли к согласию – зайти во все квартиры нужного этажа, чьи окна выходят на сторону Танькиного дома.

Поднявшись на этаж, они долго звонили в дверь, слыша из-за нее какие-то страшные вопли. Впрочем, как быстро выяснилось, ничего ужасного там не происходило, просто там проживала многодетная семья. Дверь им открыла молодая женщина с темными кругами под глазами. За ее спиной скакал с тумбочки на пол со страшным грохотом старший сын,

младший пытался распилить паркетину или хотя бы отковырять ее от пола, а совсем крохотный младенец мирно посадывал в это время соску, лежа на руках у матери.

— Какой еще цветок? — испуганно спросила у подруг молодая женщина. — Разве вы не из детской поликлиники?

Узнав, что нет, она с досадой воскликнула, указывая на сыновей:

— Девушки, вы посмотрите на этих двоих разбойников! Ну, сами посудите, до цветов ли мне с ними? Да они моментально горшки расколотят, землю съедят, а сами цветы пустят на подстилку для их вигвама. Нету у нас дома никаких цветов. Одна пальма была, да и та не выдержала этого кошмара.

И она захлопнула дверь.

— Мимо, — погрустнела Дуня.

— Никто и не говорил, что будет легко, — возразила Мариша и позвонила в соседнюю дверь.

Им не открывали так долго, что девушки уже начали думать, что дома вообще никого нет. Но тут замки закрипели, и дверь открылась.

— Ой! — вырвалось у Дуни. — Это вы!

Молодой человек, который открыл им дверь, недоуменно уставился на нее.

— А мы знакомы? — наконец спросил он.

— Нет, то есть да, — поправилась Дуня. — Вы ведь наблюдали из своего окна за моей подругой? Она живет в том доме.

И Дуня ткнула куда-то за спину молодого человека, где в открытую дверь и в самом деле было видно окно с висящим на нем роскошным фиолетовым цветком. Мариша уже давно разобралась в ситуации и теперь мысленно самым решительным образом вычеркивала таинственного поклонника Таньки из списка подозреваемых. Дело в том, что молодой человек был на костылях, а обе его ноги были закованы в гипс.

— А я вас видела, когда вы за Танькой подглядывали, — простодушно закончила свою объяснительную речь Дуня, и молодой человек вспыхнул как маков цвет.

— Да вы не смущайтесь! — заметив его реакцию, на всю площадку заорала Дуня. — Танька совсем не против была, что вы за ней подглядываете.

— Может быть, зайдете? — испуганно и как-то поспешно предложил молодой человек. — Неудобно разговаривать на пороге.

Подруги не заставили себя долго упрашивать и вошли в квартиру. По одному взгляду уже было видно, что тут живет холостяк. Все было чисто, строго и очень неуютно. Естественно, занавесок на окнах в обеих комнатах и кухне вообще не наблюдалось. Для Мариши всегда оставалось загадкой, почему мужчины, которые, как они сами утверждают, обладают мощным интеллектом, до которого женщинам еще тянуться и тянуться, не могут смекнуть такую простую вещь — окна без занавесок выглядят не только пугающе, но даже жутко. А уж об уюте в доме с голыми окнами и говорить не

приходится. Но нет же! Если в жилище холостяка и найдутся занавески, значит, либо мамочка постаралась, либо какая-то другая женщина свою руку к созданию уюта в доме любимого мужчины приложила. Сам-то он ни за что не додумается.

– Проходите. Меня зовут Миша, – представился молодой человек и, плюхнувшись в современную инвалидную коляску, с облегчением отбросил костыли в сторону и покатил на кухню, откуда доносился запах подгорающего мяса.

Подруги поспешили за ним. Мариша по дороге думала, что даже такие симпатичные упитанные брюнеты с выющимися волосами, оказывается, никуда не годные кулинары. А сам Миша был очень даже ничего. Так что Мариша теперь поняла, почему Танька затеяла эту игру с красивым соседом, не сводящим с нее глаз из окна напротив.

Разумеется, мясо едва не погибло. Аппетитный кусок покрылся отвратительной черной коркой. И как только Миша увидел, во что превратился его обед, он вознамерился выкинуть его в мусорное ведро.

– Да ты что?! – успела разгадать его намерения и перехватить за руку Мариша. – Зачем его выкидывать?

– А что же делать? – удивился Миша. – Оно же сгорело?

– У тебя что, в холодильнике есть еще один кусок мяса наготове? – поинтересовалась Мариша. – Уже размороженный, намазанный солью, пряностями и майонезом и нашпигованный чесночком и морковью?

– Разумеется, нет, – покачал головой Миша. – У меня в

холодильнике вообще шаром покати. Домработница должна сегодня принести продукты. А этот кусок она мне еще вчера оставила.

– Так чего ты раскидался? – проворчала Мариша и принялась сердито срезать верхний подгоревший слой.

Быстро выяснилось, что внутри мясо еще сохранило достаточно сока, чтобы быть не без удовольствия съеденным.

– Вы меня просто спасли от голодной смерти! – обрадовался Миша, когда Мариша нарезала спасенную свинину на куски и поставила перед ним тарелку с порезанными помидорами, которые тоже обнаружились в нижнем ящике холодильника, спрятанные под слоем газеты. – Присаживайтесь, поедим вместе. Мне одному все равно много.

Подруги, у которых со вчерашнего вечера не было во рту ни крошки, кроме коньяка и палки сырокопченой колбасы, честно разделенной на троих, а от пережитых волнений аппетит у них разыгрался просто волчий, не заставили себя долго упрашивать и набросились на еду. Некоторое время всем едокам было не до разговоров. В кухне слышалось только чавканье и глотание. Но в конце концов с мясом было покончено, и на блюде остались лишь крошки, которые Миша с удовольствием подобрал нашедшейся в хлебнице слегка заплесневевшей pitой.

– А что у вас с ногами случилось? – сострадательно поинтересовалась Дуня. – Перелом?

– Ага, – беззаботно кивнул Миша. – Двойной и причем на

обеих ногах. Но я считаю, что мне еще повезло.

Подруги с недоумением посмотрели на человека, который считал двойной перелом своей большой удачей. Видя их недоумение, парень начал рассказывать. Вообще-то Миша ведет сугубо добропорядочный образ жизни. Работает в банке, работа трудная, нервная, но зато зарплату получает всегда вовремя и на ее размер пожаловаться тоже не может. Хватает и на ежегодное лечение и отдых его мамочки в Карловых Варах, и на отдых для самого себя. Около десяти лет назад, еще совсем молодым юношей, Миша оказался на Кавказе в горах и, что называется, пропал там. Он влюбился в горы сразу же и на всю жизнь. И с тех пор он целый год копит, приобретает необходимое снаряжение, тренируется, чтобы потом поехать в горы и оторваться там на полную катушку, штурмуя очередную вершину.

За эти годы каких только травм не было у Миши. Он ломал руки, ключицы, ноги и даже один раз повредил позвоночник, но это ничуть не снизило его интереса и любви к горам. И даже тот факт, что время от времени в рядах его со товарищей появлялись пустые места, так как некоторые его друзья оставались в горах навечно, Мишу не смущал. И в этом году ему снова «повезло».

– Впрочем, я сам виноват, – сказал Миша. – Расслабился. Поход закончился, мы уже спустились, добрались до станции и собирались на поезд, и тут мне приспичило сбежать за холоденьким пивком.

В общем, перебегая дорогу, Миша угодил под колеса какого-то местного лихача. В результате печальным завершением чудесного отпуска стали сломанные ноги и перспектива на протяжении всего летнего сезона ковылять на костылях. Но Миша человек неунывающий. Он быстро приобрел напрокат отличную современную коляску, в которой может раскатывать по дому и даже выезжать на улицу, не испытывая большого дискомфорта. Нанял пожилую женщину, которая покупала ему продукты и вообще вела все хозяйство.

Была лишь одна проблема. Постоянной подруги у Миши не было. Верней, сейчас не было. Раньше была. Но как раз перед Мишиным отъездом она поставила ему условие: либо они едут отдыхать в Бодрум, либо она с Мишей порывает. Никакие увещевания и доводы, которые приводил Миша в пользу романтики гор, его подругу не понимали.

– Хочу на море, хочу на курорт, хочу жить в отеле, где все включено! – твердила упрямая дурочка, не понимая, чем рискует, разговаривая в таком духе с человеком, больным горами.

Разумеется, Миша выбрал горы. Его подруге пришлось проявить характер и, чтобы сохранить лицо, уйти от Миши. Навсегда.

– Когда я вернулся, она даже не стала меня слушать, а просто сообщила, что уже нашла мне замену и я могу теперь крутить роман хоть с Джомолунгмой, хоть с любой другой горой мира, – погрузнев, произнес Миша. – Ей без разни-

цы. Я даже не успел ей рассказать, что со мной случилось, как она шмякнула трубку.

В результате Миша остался один. И если свои бытовые проблемы он решил относительно легко, лечение покрыла страховка, которую всех сотрудников в обязательном порядке заставляло покупать руководство банка, а на работе Мишин заместитель неплохо справлялся со своими и Мишиными обязанностями, в личной жизни у Миши не клеилось. А ему, маявшемуся целый день от вынужденного уединения, страшно хотелось общения. Но друзья все работали, и вообще у них были и другие дела, кроме долга развлекать Мишу. В конце концов Миша нашел утешение, наблюдая за жизнью соседей. Он даже попросил свою домработницу приобрести для него бинокль и небольшую подзорную трубу.

– Только ради бога не подумайте, что в нормальном состоянии я способен сидеть дома и целыми днями подглядывать за соседями, – объяснил он подругам. – Но от безделья у меня просто мозги плавают. Вы уж извинитесь перед вашей подругой. Хотя, честно говоря, мне казалось, что ее эта игра забавляет.

– Так и было, – хмуро кивнула Дуня.

– Но как же так? – удивился Миша. – Почему же вы пришли? Это... Это ведь она вас послала?

– Не совсем, – призналась ему Мариша. – Хотя пришли мы из-за Таньки.

– А почему она сама не пришла? – спросил Миша.

– Она не может, – произнесла Мариша. – Она умерла.

– Убита, – добавила Дуня. – Вчера вечером.

Миша побледнел и сделал попытку встать и подойти к окну, чтобы посмотреть на Танькину квартиру, видимо, совершенно забыв при этом про свой гипс. Попытка не увенчалась успехом, и Миша шлепнулся обратно на сиденье кресла.

– Не может быть! – наконец произнес он.

– Но ты же видишь, что у Таньки задернуты шторы, – попыталась доказать ему свою правоту Дуня.

– Но еще рано! И вообще... Она иногда задергивала шторы, когда ждала к себе гостей.

Подруги переглянулись.

– Можешь позвонить вот по этому телефону, следовательно Белоокову, он ведет дело об убийстве Татьяны, – сказала Мариша, порывшись в сумочке и протянув Мише белый прямоугольник.

Звонить следователю Миша не стал. Вместо этого он растерянно пробормотал:

– Но как же так? Я же видел ее вчера вечером. У нее был гость. Поэтому я не удивился, что у нее шторы в спальне до сих пор задернуты.

– Что?! – хором воскликнули подруги. – Какой гость?

– Естественно, мужчина, – пожал плечами Миша. – Пришел около девяти часов вечера. Нет, уже было начало десятого. А когда ушел, я не знаю. Не видел. С моего наблюдательного пункта, как вы можете убедиться, хорошо видна только

часть квартиры моей соседки. В том числе и ее спальня. Но большая часть не просматривается, в том числе и прихожая.

– Как он выглядел? – немедленно спросила Дуня у Миши. – Этот Танькин гость?

– Очень полный, – ответил Миша. – Темноволосый. В светлой рубашке. Я еще подумал, что он, наверное, очень стремительно начал полнеть.

– Почему? – рассеянно спросила Мариша.

– Потому что брюки были ему чересчур тесны, – пояснил Миша. – Так бывает, когда человек долго не влезает в любимые брюки, а потом раз! И выясняется, что нужно идти в гости, а брюки тесны. Новые уже купить некогда, вот и идет в гости в тесных, но любимых брюках.

«Так брюки у него натянуты были, чисто барабан, а не задница!» – донеслись до мысленного слуха Мариши слова бабки с бородавками. И Мариша похолодела.

– Вадька, – прошептала она едва слышно.

– Все-таки он, – подавленно пробормотала в ответ Дуня. – Вот сволочь!

– О ком вы? – спросил Миша.

– Ты узнаешь этого типа, который приходил к Таньке, если увидишь его? – спросила тем временем Дуня у Миши.

– Думаю, что да, – кивнул Миша. – Определенно узнаю.

Подруги переглянулись. Теперь им было с чем идти к следователю. Но оставались еще вопросы. Впрочем, решили подруги, на них можно будет получить ответы и позднее. В

конце концов, Миша со своими костылями никуда не денется.

Глава 5

Следователь Белооков как раз закончил допрос Витька. И теперь ноздри его возбужденно раздувались, редкая шевелюра стояла дыбом, а голубенькие глазки воинственно поблескивали. Другими словами, следователь полагал, что попал на след.

– Ну, а что тут такого? – канючил сидевший перед ним на стуле Витек.

После бессонной ночи Витек прямиком отправился на работу, к которой относился трепетно и ни за что не пропустил бы ни одного дня без уважительной на то причины. Работал он сантехником в ремонтной фирме. А убийство ближайшей подруги своей жены к разряду уважительных для прогула причин не относил.

– Что такого, что я не захотел к Таньке идти? – повторил Витек. – Она про меня Дуньке гадости говорила. Что, мол, я с Дуней только ради ее жилплощади живу. А я ее люблю, может быть!

– Это вам между собой решать, – душевно заверил его следователь. – А все-таки объясните, где вы были после ссоры с вашей подругой? Вы ведь ушли из дома? Да?

– Пивка попил, чтобы успокоиться малость, – ответил Витек. – Верно вы говорите, поругались мы немножко с Дуней в тот вечер. А все из-за этой Таньки! Вечно она нам отноше-

ния портила. Вечно против меня Дуньку подговаривала.

– Значит, отношения у вас с покойной были плохие, а алиби на момент ее убийства у вас нет?

– Какое такое алиби? – забеспокоился Витек, до которого наконец стал доходить смысл вопросов следователя. – Зачем мне алиби, если я ее не убивал?

– Вопрос резонный, – согласился следователь. – Но тем не менее у вас была причина и возможность это сделать. Согласитесь?

– Вот еще! – возмутился Витек. – Не убивал я ее!

– А между тем около половины одиннадцатого вечера, как раз в промежуток, когда было совершено убийство, вас видели входящим в дом, где жила Татьяна, – соврал следователь. – И не только видели, как вы входите, но и как вы поднимаетесь на лифте на этаж, где жила покойная.

Следователь, что называется, брал его на пушку. Он понятия не имел, был Витек в это время в доме убитой или нет, но ему очень хотелось, чтобы был.

– Е-мое! – не разочаровал его Витек. – Это какая же зараза глазастая меня углядела? Ну, признаюсь, заходил я к Таньке. Так ведь она мне не открыла. Я позвонил пару раз, понял, что дома ее нет. И ушел.

– Не открыла, – пробормотал следователь. – А скажите, у вашей подруги ведь были ключи от квартиры убитой?

– Ну, ясное дело, Танька одна жила, – кивнул Витек. – Вот она Дуньке на всякий случай сразу после смерти своего отца

комплект ключей и дала. Мало ли что может случиться. И когда на новую квартиру Танька переехала, то у Дуни тоже всегда были ключи от Танькиной квартиры. Да и то сказать, Дунька у нее часто бывала. То кота покормить, то еще чего сделать, а то просто сидели, мужикам кости перемывали и вино пили.

— А вы, значит, знали, что у вашей подруги есть ключи? И где она их держит, тоже видели?

— А чего там не видеть? Вместе с нашими ключами висели на крючочках в прихожей. У Дуни такой ящичек специальный для ключей висит на стене. Вроде бы домик под черепичной крышей. Симпатичная штучка, и удобно к тому же. Мне такие вещички нравятся. Вроде бы безделушка, а в то же время полезная.

— Значит, у вас была возможность заказать себе дубликат ключей от квартиры подруги вашей жены? — задал свой долго вынашиваемый вопрос следователь. — Так?

— Это зачем же мне дубликат делать, когда у Дуни уже был комплект? — рассердился Витек. — Деньги свои кровные на эту шалаву тратить, выходит? Так, по-вашему?

— Мало ли зачем вам могло это понадобиться? Могли иногда и заглянуть, проверить, не там ли ваша подруга, не представляет ли ей убитая кров для свиданий с ее любовниками.

— С какими еще любовниками? — заорал раскрасневшийся Витек. — Нет у моей Дуни никого! Я проверял! Она меня только любит!

– А кому, как вы думаете, одинокая Татьяна могла завещать свои деньги? – поинтересовался у него следователь.

– Откуда мне знать? – пожал плечами Витек. – Может быть, какому своему хахалю. Или мужу. Был муж у нее, это я точно знаю. Или вот родственники у нее в Рязанской области есть. Она как-то упоминала, что ее мать оттуда родом. Да! Так у Таньки и мать же где-то имеется. Хотя они сколько лет не виделись, а все же мать. Кровь, как говорится, не водица.

– Хватит! – воскликнул следователь. – До тех пор, пока не будет найдено и вскрыто завещание, посидите у нас. И молитесь, чтобы в завещании не была указана ваша подруга. Иначе к причине и возможности убить Лазореву у вас прибавляется еще и нехилый мотив.

После того как возмущенного, ругающегося трехэтажным матом Витька увели из кабинета, следователь откинулся на спинку стула. Итак, один подозреваемый у него имелся. По крайней мере было чем отчитаться перед начальством. Но следователь чувствовал, что Витек вряд ли убивал Таньку. Если бы и убил, так случайно. Толкнул там в пылу ссоры, она бы упала и раскроила себе череп. Это возможно. Но хладнокровно душить свою жертву? Нет, не тянул Витек на такого убийцу. Однако свои чувства к делу не подошьешь, а повод у Витька все же был. Антипатия – сильная штука.

Но не успел следователь заняться другими своими делами, как в его кабинет ввалились новые посетительницы. В этих двух взлохмаченных девушках Женя с удивлением

узнал главных свидетельниц по делу об убийстве Лазоревой.

– Мы знаем, кто убийца! – воскликнула одна из них, которая повыше и покрепче. – Это муж!

– Чей муж? – заинтересовался таким поворотом дела следователь.

– Ну, не мой же! – пренебрежительно фыркнула та, которая была поменьше, – Дуня, как понял следователь.

– А чей? – снова спросил Женя, судорожно соображая, как ему быть, если эта особа сейчас начнет возмущаться арестом ее Витька.

– Да Танькин муж! – заорала Мариша. – Мы и свидетеля привезли. Он видел, как Вадька к Таньке в начале десятого завалился.

– Очень мило с вашей стороны было сделать за меня мою работу, – кисло улыбнулся им следователь. – И где вы умудрились откопать вашего свидетеля?

Подруги, разумеется, быстро посвятили Белоокова в трогательную историю отношений Миши и Таньки. Следователь слушал и удивлялся про себя пронырливости и пробивной силе некоторых женщин. Вот его ребята не смогли за целую ночь найти ни одного приличного свидетеля, а эти две особы, пожалуйста, раз – и нашли такого! Поневоле можно им позавидовать.

– Возможно, они стояли на пороге большой любви, – от души всхлипнув, закончила свой рассказ Дуня. – Миша бы поправился, и они вместе в горы ездили. Танька до всякого

экстрима сама не своя была.

– А где же вы вашего Мишу оставили?

– Так внизу он! – воскликнула Мариша. – Мы его с костылями там оставили, а сами к вам побежали. Чтобы ему просто так не подниматься. Вдруг бы вы с ним поговорить не захотели.

– С какой стати мне отказываться от беседы со свидетелем? – удивился следователь.

– Так мы его мигом доставим! – обрадовались подруги.

Через несколько минут Миша уже восседал в кабинете следователя и давал показания. Подруги на правах первооткрывательниц ценного свидетеля остались тут же. Выслушав показания Михаила, следователь немедленно схватил из стола табельное оружие.

– Сидите тут, – приказал он всем троим, усадив их в коридоре на диванчик. – Я выезжаю на задержание. Вернусь, и проведем очную ставку с этим Вадиком.

– Посидим, – согласилась Мариша. – Раз для дела нужно, значит, посидим. Верно?

Дуня не выглядела особо довольной, но все же согласилась. Как только следователь уехал, Мариша почувствовала, что ее прямо-таки душит жажда.

– Я схожу куплю чего-нибудь попить, – сказала она.

– Мне «Боржоми», – попросила Дуня.

– А мне «Колу», – заказал Миша. – Только из холодильника.

И Мариша, выйдя из отделения, отправилась к ближайшему павильончику, торгующему водами. Оказавшись на месте, она отстояла короткую очередь, все время удивляясь какому-то странному дрожанию во всем теле, а особенно в левом кармане.

– Наверное, переволновалась, – успокоила себя Мариша. – Вот и дрожу.

Наконец подошла ее очередь. Мариша купила себе «Фанту» и «Колу» с «Боржоми» для своих друзей и полезла в карман за деньгами. К ее удивлению, в кармане лежало что-то маленькое, твердое и продолговатое, что и вибрировало. Причем очень настойчиво. Вытащив руку с зажатой в ней находкой, Мариша с недоумением уставилась на незнакомый ей мобильничек – крошку «Панасоник».

– Девушка, вы платите? – вывел ее из ступора голос продавщицы. – Вы тут не одна. Спать дома будете!

Мариша очнулась, машинально протянула хамке сторублевую бумажку, сгребла покупки и пошла прочь.

– Вы что?! – озверев, завопила ей вслед продавщица. – А сдачу?

Пришлось Марише вернуться и взять мелочь.

– Ишь, богатые какие стали! – прошипела ей вслед какая-то матрона из очереди. – Деньги уже не берут.

Но Марише было не до перепалок со злюками. Она пыталась вспомнить, у кого же она слямзила этот мобильник. В том, что она его не покупала, Мариша была абсолютно уве-

рена.

– Я же не сошла с ума! – с некоторым сомнением в голосе твердила самой себе Мариша. – Ведь не сошла же! Тогда откуда мобильник?

И Мариша посмотрела еще раз на телефон. Тот словно только этого и ждал. Завибрировал, и на экране появилось имя – Алекс. Мариша нажала кнопку приема и поднесла трубку к уху.

– Танька, ты чего не отвечаешь?! – закричал жизнерадостный мужской голос. – Пляши! Моя половина свалила к своей тетке. Можем оттянуться на славу! Эй, ты чего молчишь? Спишь еще, что ли? Пора бы уж встать! Соня!

– Это кто? – не нашла ничего лучшего спросить Мариша.

– Ну ты даешь! – хмыкнул ее собеседник и отключил трубку.

Мариша еще некоторое время тупо смотрела на блестящую штучку, а потом до нее наконец дошло.

– Это же я Танькин мобильник себе в карман сунула! – воскликнула Мариша. – Когда милицию вызывала!

Радости не было предела. Оказывается, она вовсе не сходит с ума. А просто потихоньку, пока что на уровне подсознания, превращается в фетишистку. И Мариша помчалась к своим друзьям, чтобы поделиться с ними находкой.

– Вот и отлично, – вяло отреагировала Дуня. – Теперь по крайней мере у нас будут телефоны всех знакомых Таньки. В телефоне наверняка есть записная книжка. Обзвоним их

и сообщим о случившемся.

– Угу, – кивнула Мариша. – Только давай попозже. Когда уже будем знать день похорон.

– Ладно, – покорно согласилась потихоньку засыпающая Дуня.

Но Марише было не до сна. Она принялась изучать телефон и его содержимое. Как она уже верно поняла, звонок у него был выключен, оставался включенным только вибровывозов. Но он был таким слабым, что Мариша благополучно проходила всю ночь и утро с телефоном, на который звонила куча народу, и даже об этом не догадалась. Непринятых звонков в телефоне набралось целых двенадцать штук. Причем первый непринятый звонок приходился на половину седьмого вчерашнего вечера. Мариша машинально отметила этот факт, но выводов пока что не сделала.

Белооков вернулся обратно только через три часа. Подруги уже истомились его ждать. Сказывалась бессонная ночь. Глаза резало, словно в них песку насыпали. А голова гудела, как котел. И только Миша был бодр, оживлен и так и кипел энергией.

– Ну, точно они с Танькой были бы два сапога пара! – буркнула Дуня, когда Миша на костылях в очередной раз смотался на улицу, чтобы проверить, не едет ли следователь. – У той тоже шило в заднице было.

Мариша, пытаясь поудобней устроиться на диванчике, чтобы вздремнуть, в ответ только вздохнула. Наконец при-

был следователь вместе с Вадькой, цвет лица которого потихоньку сравнивался с цветом его белой рубашки. Мишу следователь тоже позвал в кабинет. Прошло еще некоторое время, и из кабинета следователя донеслись рыдания Вадьки.

– Не убивал я ее! Не убивал! Я когда пришел, она уже мертвая лежала!

– Слышишь?! – встревожилась Дуня. – Не признается.

– Да что с того? – зевнула Мариша. – Все против него говорит. Он наследник, ему нужны деньги, он был у Таньки, как раз в то время, когда ее убили. Что тебе еще нужно?

– Вообще-то лучше, чтобы он признался, – с тревогой ответила Дуня.

– Признается, – буркнула Мариша. – Посидит денек в камере и признается.

Но тем не менее в ее душу закралось сомнение. Очень уж правдиво звучал голос Вадьки, наконец не выдержавшего и признавшегося, что да, был он у Таньки в тот роковой вечер. Но голос мужика, рассказывающего, как они договорились с Танькой встретиться у нее дома в половине десятого, дрожал и прерывался. Мариша приникла ухом к двери и отлично слышала весь разговор.

– Да, Танька меня сама пригласила, – твердил Вадька. – Сама мне позвонила накануне и предложила встретиться у нее. Мы с ней договорились, что вечером она подкорректирует время и мы встретимся. Так и было. Мы созвонились, и она просила меня приехать к половине десятого. Но я прие-

хал чуть раньше. Долго звонил, но Танька не открывала. Так как несколькими часами раньше мы созванивались и Танька поклялась, что будет дома, я решил, что она просто заснула. И открыл дверь своими ключами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.